

ЯВ

**Андрей Владимирович
Яковлев**

Далёкая и близкая Сибирь
Повести и рассказы

Андрей Яковлев
Далёкая и близкая Сибирь

<https://litres.ru/34710126>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-92421-5

Аннотация

Осознав истинный смысл пророчества, человек сможет изменить свою судьбу.

Содержание

Далёкая и близкая Сибирь	4
История с тараканами	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Андрей Яковлев

Далёкая и близкая Сибирь

Далёкая и близкая Сибирь

Помню ли я Николая? Станный вопрос. Конечно, помню. Ведь мы соседи, наши семьи были дружны, а матери – лучшие подруги. Став уже взрослыми, мы всё равно продолжали общаться.

Коля был холост и часто говорил, что всё это неспроста. Я знал, что он суеверный. Иногда мы выпивали у нас на кухне. Под это дело он рассказывал истории из своей жизни. Все они были буквально пронизаны одним событием, которое Коля считал главной своей ошибкой.

В конце 2002 года он неожиданно исчез. Его мама сказала, что Коленька уехал на Дальний Восток. Да, он признавался, что собирается, но всё не мог решиться, и вот, видимо уехал, полагаю, уже насовсем.

1

Был февраль 2001 года. Салон самолёта «ТУ-154» быстро заполнялся пассажирами. Люди заходили внутрь салона, снимая шапки и стряхивая снег с верхней одежды. Рейс «Екатеринбург-Хабаровск» всегда востребован, свободных мест нет. Менее решительные пассажиры вплоть до само-

го взлёта стояли в проходе, ожидая, когда им укажут на их места. Шестичасовой перелёт весьма утомителен, но Николай уже привык к этому. Последние полтора года он много времени проводил в командировках. Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск и Владивосток стали для него почти родными.

Взлетая поздно вечером из Кольцово, самолёт преодолел несколько часовых поясов, вырываясь из темноты ночи в залитый ярким солнцем день. Интересная картина, созданная большой разницей во времени между Дальним Востоком и средней Россией.

– Мужчина, – обратилась к Николаю молодая дама, сидевшая в соседнем кресле. – Простите, можно Вас попросить поменяться со мной местами? Пустите меня, пожалуйста, к иллюминатору.

– Да не вопрос, – согласился Николай. – Давайте поменяемся.

– Честно Вам скажу, я плохо переношу самолёты.

Они пересели. Дама уставилась в окно иллюминатора, а Коля осторожно стал рассматривать свою неожиданную спутницу. С виду до тридцати лет, в профиль она казалась весьма привлекательной.

По громкой связи объявили о завершении посадки. Одновременно с этим закрылся входной люк. Самолёт весь затрясся, вырубивая на взлётную полосу. Потом разгон и отрыв от земли. Девушка-бортпроводник вышла к пассажирам

и жестами сопровождала объявляемый регламент полёта, доносившийся из громкоговорителей.

Отвлёкшись от созерцания спутницы, Николай переключился на стюардессу. Внимательно следя за её действиями, пытался понять, когда будут разносить еду.

– Вы в Хабаровск в командировку? – вдруг спросила соседка.

– Да, на недельку, – ответил Николай. – В выходные обратно, а с понедельника уже и на работу.

– Часто приходится летать?

– В последнее время часто.

– Не боитесь? – спросив это, дама пристально уставилась на своего собеседника.

– Чего же тут бояться? По сравнению с самолётом, поездка на автомобиле куда опаснее.

Женщина кивнула, подтвердив, что ответ принят, а потом вдруг предложила:

– Давайте познакомимся. Меня зовут Людмила.

– Николай.

– Очень приятно.

– Мне тоже.

– Знаете, я такая трусиха. На самолётах уже несколько раз летала, но до сих пор не могу привыкнуть. Поэтому для храбрости всегда прихватываю с собой коньяк. Николай, извините меня за бестактность, но я Вас очень прошу, составьте мне компанию. Выпейте со мной.

– Почему бы и нет, – согласился Николай. – Если Вам от этого будет легче, то я готов.

– Благодарю Вас, что не отказали.

Людмила открыла свою сумку, достав оттуда плоскую бутылочку армянского коньяка и два пластиковых стакана. На закуску – плитка шоколада.

Коля откупорил бутылку, разлил спиртное в стаканчики и сказал:

– Давайте, за встречу, что ли.

– Ага, за встречу.

– Людмила, значит, Вы из Хабаровска? – спросил Коля, пережёвывая шоколад.

– Ага.

Утверждение «Ага» вместо «Да» чаще всего Николай слышал в разговорной речи дальневосточников, обратил на это внимание, когда стал летать в командировки.

– В Екатеринбурге-то какими судьбами?

– По работе отправляли с технической документацией, – ответила Людмила.

– Хороший коньяк.

– Да, неплохой.

– Тогда давайте ещё по одной? Как говорится, между первой и второй перерывчик небольшой.

– Ага, наливайте...

Коля разлил ещё понемногу. Выпили.

– Для Дальнего Востока самолёт – незаменимый вид

транспорта, с учётом такого расстояния, – поёживаясь, сказала Людмила. – Работники нашего предприятия часто летают в Питер и Москву. А сейчас открыли новое направление на Екатеринбург, и меня, как самую молодую, стали в командировки посылать. Всю дорогу дрожу, вот и приходится коньяком «спасаться».

– Люда, скажите, что Вас так пугает?

– В последнее время самолёты стали часто падать. А знаете, Николай, почему?

– Почему?

– Из-за человеческой халатности, разгильдяйства и безответственности.

– Да?

– Ага. Вот смотрите. Видите, сейчас полный самолёт, нет свободных мест! И в проходе люди стоят. Там, вон в хвосте. Видите?

– Ну, вижу, три человека, – ответил Николай, окинув салон взглядом.

– А что это за люди? Знаете?

– Нет.

– Это безбилетники. То есть они заплатили не в кассу аэропорта, а непосредственно экипажу, чтобы не ждать следующего рейса. А это по-Вашему что?

– Что? – переспросил Николай, удивляясь красноречивости Людмилы, вызванной, вероятно, действием алкоголя.

– Это есть перегруз самолёта! Ведь он рассчитан только

на сидящих пассажиров. Понимаете?

– Понимаю, – согласился Коля. – Вы действительно думаете, что они безбилетники?

– Конечно. В прошлый раз вообще весь проход между креслами был занят.

– Возможно, это работники спецслужб аэропорта. А хотите, Люда, я подойду и спрошу об этом у стюардессы?

– Николай, прошу Вас, не стоит. Мы так хорошо сидим.

– Ладно. И, правда, сидим хорошо.

– В туалетах самолёта по-русски же написано – «Не курить! Кислород!» – продолжала Люда. – Заходишь по нужде, а там накурено, хоть «топор вешай».

– Согласен.

– Вот, видите, Николай, а Вы говорите, почему я боюсь.

– Людмила, знаете, самолёты сейчас чаще падать не стали. Раньше, в Советское время, информация о крушениях не всегда публиковалась, а в нынешние времена, не скрывая, сообщают обо всём. При этом, как ни крути, всё равно самолёты – самый надёжный вид транспорта. Ваша подозрительность к происходящему на борту, как и боязнь летать, объясняется одним словом.

– Каким же?

– Аэрофобия.

– Видимо Вы, Коля, этим не страдаете?

– Признаюсь честно, стараюсь не обращать внимания на подобные вещи. Просто летаю – и всё. Меньше думаешь,

крепче спишь. Не хочешь самолётом, бери билет на поезд и «трясись» неделю. А насчёт курения в самолёте Вы правы.

Стюардесса с подносом в руках, приветливо улыбаясь, предлагала пассажирам мятные леденцы. Коля взял несколько конфет и протянул их Людмиле.

– Спасибо, – сказала Люда. – Налейте тогда ещё.

– С удовольствием, – отозвался Николай, отвинчивая крышку бутылки.

– Знаете, Николай, Вы напоминаете мне моего мужа...

– Как-то грустно Вы об этом сказали. Видимо, недавно в разводе?

– Нет, мой муж погиб в Чечне.

– Простите.

– Ничего, я уже привыкла. Мы прожили-то всего ничего. Дочка у нас родилась. Он военный, там не спрашивали, отправили на войну – и всё. Как будто украли у меня семью. Дочери уже четыре, а она по-прежнему ждёт, когда папа вернётся...

На глазах Людмилы навернулись слёзы.

– Коля, Вы не обращайтесь внимания. Лучше расскажите о себе.

– Чего рассказывать, – пожал плечами Николай. – Живу с родителями, семьи своей пока не завёл. Наверно, время ещё не пришло.

– Сколько Вам?

– Тридцать два нынче будет.

– Хороший возраст, – вздохнув, сказала Люда.

– Да, хороший.

Немного погрузив, Николай решил, что будет правильной перевести разговор на другую тему. Ничего более не мог придумать, как рассказать несколько анекдотов.

Коньяк был выпит примерно в течение полутора часов. Людмила заснула, положив голову на плечо своего спутника. Николай не возражал и старался не делать резких движений, чтобы не побеспокоить молодую особу. Когда разносили обед, будить её не стал, просто взял для Людмилы рыбное блюдо. Потом, сам немного подкрепившись, уселся удобней, но заснуть, почему-то не получалось.

Глядя на мирно спящую девушку, он думал, сможет ли полюбить ещё раз. Размышлял и о том, как быстро летит время. Командировки, дом, работа. Эта формула, по которой ему приходится жить. Почти у всех его знакомых уже есть свои семьи, а он один. А ведь была когда-то любовь. Но, увы, ему не удалось использовать тот шанс. Николай всегда с нежностью вспоминал свою первую настоящую любовь, которую не сумел сохранить. Он был молод и глуп, и сейчас, через двенадцать лет, прошедших с тех пор, безутешно грустил о своих ошибках. Как бы тогда устроилась его жизнь, не пойдил он на поводу у обстоятельств.

2

Вот Николаю восемнадцать. С приходом совершеннолетия пришла и повестка в армию – осенний призыв. Служить

отправился с желанием, хотя мама плакала, словно провожала его на войну. Отец крепился, но когда новобранцы «грузились» в автобус, также смахнул «скупую» слезу. Дальше – сборный пункт, распределение, а затем поезд примчал их в Новосибирск. Там учебная часть, недалеко от аэропорта Толмачёво. Через полгода обучения распределили уже в воинскую часть в глухой тайге, недалеко от уездного городка «Б», что под Новосибирском.

Лето в Сибири жаркое, но весьма короткое. Комары, мошка, оводы и слепни. И что интересно, каждый летний месяц появлялись разные виды этих насекомых, отличавшихся от своих предыдущих собратьев цветом или размером. В знойный период вспыхивали лесные пожары. Солдат постоянно посылали на их ликвидацию.

С ноября по март устанавливались морозы. Особо «трескучие» – под минус сорок пять – в декабре и январе.

Из развлечений у солдат – цветной телевизор в казарме, библиотека и увольнение по выходным в уездный городок. Ко всему этому быстро привыкаешь – хорошее питание, свежий воздух, а главное, что к тебе относились как к человеку. Командование части заботилось о своих подопечных, это отмечали все военнослужащие без исключения.

Время пролетело быстро от первого лета до второго, а этой осенью уже и домой ехать. Случился день, когда после обеда Николай должен был смениться из наряда по КПП. Дежурный позвонил на пост по телефону и предупредил об

опоздании новой смены, вероятно, задержавшейся при разводе.

Погода отличная, лёгкий ветерок раздувал полуденный зной. Чтобы не помереть со скуки, Николай уселся на ступеньки перед входом в служебное помещение с внешней стороны территории, выходявшей к лесу, и стал бросать в лужу мелкие камешки, коих было много рассыпано вокруг. Его внимание привлекла большая бурого цвета жаба, вылезшая из травы. Николай начал кидать камни в её сторону. Попадая в жабу, он радовался, как ребёнок. Им овладел странный азарт. Бедное земноводное, пытаясь скрыться от ударов камней, забралось в лужу. Из воды торчала только верхняя часть головы. Но Николай по-прежнему бросал камни, не желая останавливаться. При точном попадании, жаба на некоторое время опускалась на дно, потом опять всплывала, высовывая «морду» на поверхность.

Стойкость жабы начинала надоедать солдату, и тогда он поднял с земли крупный тяжёлый камень и зашвырнул его в лужу, придавив земноводное ко дну.

Сделав такое дело, Николай зашёл внутрь помещения. Вдруг он почувствовал позымы своей совести. Зачем было убивать невинное животное? Откуда взялся этот глупый азарт? Откуда эта агрессия по отношению к беззащитной твари? Ответов он не находил.

Через окно Николай видел, что поднялся сильный ветер. Погода неожиданно стала меняться, ещё минуту назад ниче-

го не предвещало перемен. Набежали тяжёлые тучи. Ветер усилился. Открытая форточка колыхалась из стороны в сторону. Коля хотел было закрыть её, но порыв ветра распахнул створку. Та ударилась о раму, стекло треснуло, а следующий порыв захлопнул форточку. Осколки стекла полетели вовнутрь на пол помещения.

– Ничего себе, – пролепетал Николай. – Ну, где же там моя смена? Куда они «провалились»?

Пошёл сильный дождь. Вспышки молний чередовались с раскатами грома. Капли хлестали по стеклу и попадали в помещение через разбитую форточку. Под подоконником образовалась большая лужа, ручейками растекающаяся по неровному полу.

Минут через десять дождь стал стихать. Внимание Николая привлёк яркий шар, непонятно откуда появившийся перед самым окном. Солдат хотел подбежать ближе, чтобы лучше рассмотреть шар, но остановился.

– Это же шаровая молния, – прошептал Николай.

Он часто слышал рассказы об этом явлении, но никогда прежде не доводилось его наблюдать, тем более так близко. Из этих рассказов он усвоил одно – нельзя двигаться, дабы не привлечь молнию к себе. Между тем сгусток энергии диаметром примерно десять сантиметров влетел в разбитую форточку и медленно, снижаясь к полу, плыл по комнате. Иногда шар менял направление полёта. Было ощущение, что он что-то ищет, будто действиями этой энергии кто-то управлял.

Неожиданно шар остановился, потом стал перемещаться в сторону, где находился Николай. Молодой человек замер, ужас овладел им. Ему показалось, что внутри полупрозрачной сферы он видит силуэт той самой жабы, которую недавно так нелепо расстрелял камнями. Это что? Наказание свыше? Ещё каких-то полметра – и молния коснётся его.

На крыльце со стороны территории части послышались быстрые шаги. Шар опять остановился и поплыл уже в сторону звука. Дверь открылась, в комнату вбежал молодой солдат, пришедший ему на смену. Следом спешил сопровождающий – младший сержант – помощник начальника караула.

– Ты чего, Микола, от грозы сховався? – успел спросить солдат-украинец.

А дальше всё произошло очень быстро. Сержант, напиравший сзади, непроизвольно впихнул солдата внутрь помещения. Тот, чтобы удержаться и не потерять равновесие, ухватился рукой за металлический багор, непонятно с какой целью, стоявший в углу. Как раз в этот самый момент огненный шар подлетел к металлическому предмету. Раздался оглушительный взрыв.

– А-а-а! – вскричал солдат.

Он упал на пол и начал кататься по нему, корчась от боли. Лужа из дождевой воды стремительно окрашивалась в красный цвет.

– Что это было? – кричал сержант, тряся Николая за грудки. – Отвечай, что ты тут такое сделал!

– Шаровая молния! – кричал в ответ Николай.

– Что?

Видно было, что все они оглушены взрывом. Объясняться сейчас не имело смысла, необходимо срочно помочь пострадавшему.

– А-а! Помогите, боляче! – вопил караульный. – А-а!

Оттолкнув сержанта, Коля подбежал к солдату, пытаясь понять, что с ним.

– Петро́! Петро́! – волнуясь, говорил Коля. – Покажи, чего у тебя там?

– Рука, рука!..

Левая рука Петра была вся чёрная, из неё сочилась кровь.

– Товарищ старший лейтенант, у нас тут раненый! На КПП! – орал сержант в трубку телефона. – Срочно нужен медик!

Спустя десять минут пострадавшего на носилках перемещали в медсанчасть. А через час приехал командир части и вызвал Николая к себе.

– Рассказывай, Коробков, – сказал полковник, неприветливо глядя на него исподлобья. – Как так получилось? Почему солдат пострадал?

– Товарищ полковник, когда была гроза, в форточку залетел яркий шар, то есть шаровая молния, – отвечал Николай. – А в это время пришла смена. Рядовой Пётр Мажу́ла случайно схватился за металлический лом с пожарного щита. И видимо, его ударило током.

– Всё?

– Ну да.

– Послушай, Коробков, я не верю в шаровые молнии. Помощник начальника караула, присутствовавший при случившемся, не видел ни молнии, ни яркого шара.

– Так ведь он не успел её разглядеть! Всё произошло быстро...

– Отставить, Коробков! Не надо меня перебивать.

– Есть! Извините, товарищ полковник.

– Мне в моей части таких инцидентов не надо. Что, по-твоему, мне сказать матери рядового Мажулы? Почему я не уберёг её сына?

– В том, что молния появилась, вероятно, есть и моя вина.

– Что же ты такого сделал?

– Я хоть и не верующий, но... – Николай запнулся и посмотрел на полковника.

Тот «впился» в него взглядом.

– Мне кажется, я прогневал Бога...

– Коробков, ты не в церкви на исповеди! Если, по сути, сказать нечего, так помалкивай! – разнервничался офицер.

– Мало того, что ты мне тут про шаровую молнию «заливаешь», так сюда ещё и Бога «приплёл». Вот скоро к нам в часть проверяющий приедет, смотри хоть ему всякую «околесицу не городи».

– Но я говорю правду.

– Правду он говорит! Ладно, иди. Я ещё подумаю, как с

этим быть. Понадобишься, вызову. А пока будем ждать, когда Мажу́ла поправится.

Ночью Петра увезли в Новосибирск. От медиков стало известно, что состояние больного удовлетворительное, но, скорее всего, конечность ему сохранить не удастся. Расследование этого случая внутри части результатов не принесло. Стальной багор, за который схватился Мажу́ла, в месте воздействия энергетического шара немного оплавился. Это было единственным доказательством слов Николая.

Недели через две про инцидент уже никто не вспоминал. Никто, кроме Николая. Его злключения на том не закончились. Во всём этом он видел наказание свыше за свой проступок – убийство несчастной жабы.

3

– Проснитесь, пожалуйста, – тормошила его за плечо стюардесса. – Уже подлетаем.

Николай понял, что всё же задремал. Потом посмотрел в иллюминатор, там было светло. Тогда он разбудил Людмилу:

– Говорят, подлетаем.

– Ага, – сонным голосом отозвалась Люда. – Пропустите, мне надо умыться.

Отстояв очередь, образовавшуюся у туалета, Людмила привела себя в порядок и вернулась на место.

– Как Вы себя чувствуете? – спросил её Николай.

– Всё хорошо, – ответила Люда. – Спасибо Вам, что поддерживали меня.

– Не за что.

Самолёт стал снижаться. Вскоре сквозь облака показалась полоска русла Амура и заснеженный массив дальневосточной тайги, разделённый на сектора линиями автодорог. По громкой связи объявили температуру в районе аэропорта Хабаровск – минус 28 градусов.

– Холодно у Вас, – заметил Николай.

– Ага. Так зима же.

– Ну да.

– Вас в аэропорту встречают? – поинтересовалась Люда.

– Да. А Вас?

– Обычно за мной родители приезжают.

– Понятно.

Николай достал из ящика верхнюю одежду. Оделся сам и помог своей спутнице.

– Людмила, давайте обменяемся адресами, – предложил он.

– Зачем?

– Ну, так, мало ли. Когда скучно, будем друг другу письма писать.

– Знаете, Николай, мне скучать не приходится, – ответила Людмила. – Считаю, что наше знакомство должно закончиться после того, как мы покинем самолёт.

Её категоричность немного обескуражила. Николай смутился и только пожал плечами.

Самолёт остановился. Подали трап. Пассажиры толпились

в проходе между кресел, постепенно двигаясь к выходу. Николай пропустил Людмилу вперёд. Спустившись по трапу, сели в автобус, который доставил всех к зданию аэропорта.

– У Вас есть багаж? – спросила Люда.

– Нет, я налегке, – ответил Николай.

– Поможете мне отыскать мой чемоданчик?

– Конечно.

Поклажа Людмилы нашлась быстро. Дорожный чемодан был на колёсиках, но одно из них оказалось повреждено, поэтому Николаю пришлось нести его за ручку.

– Давайте его мне, – сказала Люда, пытаясь забрать чемодан у Николая.

– Ничего, Людмила, я донесу.

– Папа! Папа! – кричала белокурая девочка и бежала в сторону пассажиров.

Люди расступались, пропуская девчущку мимо. Подбежав к Николаю, девочка запрыгнула на него и двумя руками крепко обхватила его шею.

– Папочка! Наконец-то ты приехал! – шептала она и целовала его щёки.

От такой неожиданности Николай непроизвольно выронил чемодан и удивлённо смотрел на девочку, одной рукой придерживая её.

– Тоня, подожди! Тоня! – говорила Людмила, сконфуженно наблюдая за действиями своей маленькой дочки. – Тонечка, доченька моя, ты ошиблась, это не папа.

Но та по-прежнему продолжала всё громче и громче говорить:

– Я так тебя люблю! Почему ты так долго не приезжал? Я больше никогда тебя не отпущу!

– Тонечка, пусти дядю, – подросла на помощь женщина лет пятидесяти. – Это не твой папа. Иди ко мне.

– Нет, это папа! Это мой папа! – кричала девочка, вцепившись в Николая.

– Мама, забери же её, наконец! – потребовала Людмила.

– Тоня, иди к бабушке, – настойчиво сказала женщина, отрывая цепкие объятия своей внучки от Николая. – Пусти дядю, нехорошо так делать. Пойдём.

Ещё долго громкий плач маленькой Тони был слышен в холле аэропорта. Обалдевший Николай стоял и смотрел куда-то вдаль. Его щёки горели, до сих пор ощущая на себе оставленные следы детских поцелуев и слёз.

– Николай, простите за такое недоразумение, – говорила ему в тот момент Людмила. – Тоня только на фотографии видела своего отца. Возможно, Вы действительно похожи...

– Люда, не надо извиняться, – тихо сказал он. – Разве можно на это обижаться?

– Всё равно мне так неудобно перед Вами.

– Пустяки.

– Николай,...

– Идите же, Люда, Вас ждёт дочь.

Людмила подняла упавший чемодан и пошла в сторону

выхода. Потом она оглянулась, поставила чемодан и вернулась к Николаю.

– Вот возьмите мою визитку. Здесь, правда, только рабочий телефон, но домашнего у нас, к сожалению, нет. Держите.

– Спасибо, – сказал он и взял карточку.

Людмила быстро покинула здание аэропорта. Николай, помедлив ещё немного, тоже двинулся в сторону выхода.

– Простите, Вы не из Екатеринбурга? – обратился к нему молодой человек.

– Да, из Екатеринбурга.

– Николай Коробков?

– Он самый.

– Мне поручено встретить Вас и отвезти в гостиницу, – пояснил представитель.

– Что ж, я готов, можем ехать.

4

Гостиница располагалась в самом центре города, на берегу застывшего Амура. Перед зданием находилась большая площадка, которую украшали ледовые скульптуры. Лёд был прозрачным, и эти скульптуры переливались в лучах яркого солнца. Необычное зрелище. Но Николай лишь мельком взглянул на эти ледяные фигуры. Он всё ещё размышлял о маленькой девочке по имени Тоня, которая приняла его за своего отца. Впервые, пускай и по ошибке, кто-то назвал его папой. Николай ловил себя на мысли, что завидует людям,

которые стали родителями. Наверное, он был бы хорошим отцом. Хоть и хлопотно, но не это ли настоящее счастье? Всё остальное – пыль и мишура.

– Надолго в Хабаровск? – спросил Николая молодой человек, окончательно выведя его из раздумий.

– На пару дней.

– Во сколько за Вами завтра заехать?

– Совещание в 10 утра, мне хотелось быть у Вас в офисе хотя бы за полчаса до начала.

– Тогда я заеду за Вами в 9 часов.

– Хорошо, я буду готов.

Поднявшись в свой номер, Николай расположился и принял душ. Потом взял документы и прилёг на кровать, надеясь просмотреть материалы для завтрашнего заседания, но заснул. Сказалась усталость с дороги и разница во времени.

Проснулся в пять утра, и долго не знал, чем себя занять в ожидании завтрака, который в этой гостинице начинался в половине восьмого. Он опять думал о маленькой Тоне, которая до сих пор ждёт своего отца. Её сознание в этом возрасте не может принять такой факт, что его больше нет, и он уже никогда не вернётся к ней. Такова правда жизни, настолько несправедливая по отношению к ребёнку.

Совещание состоялось по плану, однако, оказалось весьма скучным мероприятием. Но дальнейшее рабочее время было более насыщенным, как, собственно, и день следующий. В тот вечер Николай сел в поезд, и утром на третий день своей

командировки, был уже в Благовещенске.

Кто бывал в Амурской области, знает, что Благовещенск – приграничный город. На той стороне притока Амура – китайский Хайхэ. Его высотные здания, подсвеченные ночью неоновыми лампами, резко контрастировали на фоне низких строений на российском берегу. Но многочисленные туристы из России рассказывали, что Хайхэ только с виду такой симпатичный, внутри он грязный и суетливый – город торгашей и стихийных вещевых рынков. В Благовещенск в 2001 году приезжало много китайцев. Они открывали в России рестораны, кафе и «забегаловки» попроще. По сравнению с заведениями, где подавали блюда русской кухни, цена у них казалась намного демократичнее. Однако, поев там несколько раз, человек, не привыкший к китайской еде, зачастую имел проблемы с пищеварением. Николай не был исключением. Вспоминая свои прошлые командировки в Благовещенск, он старался обходить китайские заведения стороной.

В этом городе пришлось задержаться на три дня, что на один день дольше запланированного. Последние сутки почти не спал и очень надеялся выспаться в поезде, который увозил его обратно в Хабаровск. Этот поезд был полупустым, в купе он ехал один. Немного перекусив, Николай, как и хотел, лёг спать. Но ближе к ночи, на станции Биробиджан, к нему в купе подсел молодой человек. Он был в изрядном подпитии, и просто жаждал общения.

– Эй, мужик! Хорош спать! – тряс он Николая за плечо. – Ну-ка, быстро, подъём! Пиво будем пить.

– Не хочу, – ответил Коля.

– Не хочешь? Щас захочешь!

Сказав это, молодой человек потянул за матрац и скинул Николая на пол.

– Извини, конечно, за грубость, мне с тобой поговорить надо, – сказал пьяный. – Ну, честно, мужик. Не хотел тебя обидеть. Вот ты мне скажи, как тебя зовут?

– Коля, – вставая с пола, ответил Николай, мысленно успокаивая себя, поскольку понимал, что драка в купе ему сейчас будет некстати.

– О! А меня Митяем кличут.

Он протянул растопыренную ладонь для приветствия:

– Держи краба!

Пожав Митяю руку, Николай сел на своё место.

– Вот, Колька, будем сейчас с тобой пиво пить.

С этими словами Митя достал из своей сумки двухлитровую пластиковую бутылку пива «*Очаково*». Потом он вышел из купе и возвратился, неся в руках два стакана, вероятно, взяв их у проводника. Плеснув пенное по стаканам, Митя выпил залпом свой. Громко отрыгнув газы, продолжил беседу.

– Я не спрашиваю кто ты, зачем ты и прочее. За себя хочу сказать. Ну, вот пришёл я тока-тока из армии. Два года Родине отдал. И чё? Чё дальше? Приехал к себе в Биробиджан.

Работы в городе нет. Как жить дальше? Не знаю. Пока деньги мать даёт, бухаю. Но ты же меня понимаешь, это не выход. Семью хочу завести, да не на что.

Митя опять налил себе пиво и сделал пару глотков.

– Коля, тебе моё пиво не нравится? Почему не пьёшь? Пей, давай! Не обижай меня.

Николай взял свой стакан, немного отхлебнул и спросил:

– А как другие в Биробиджане живут?

– Как живут? Некоторые на китайские плантации нанимаются. Но всех-то туда не берут.

– Плантации?

– Ну, это, как её там?.. Сою выращивают. Урожай потом нашим-то и перепродают.

– Сою? Понятно, – кивнул Николай. – А остальные чего?

Кто не на плантации?

– Остальные кто где. Кто в Хабару уезжает, кто во Владик.

Там, по крайней мере, работа есть.

– Митя, ты тоже решил в Хабаровск податься?

– В Ванино поеду. Слышал про Ванино?

– Слышал, конечно. Город-порт.

– Вот-вот. Там в порту мой сослуживец работает, думаю, поможет устроиться. Хотя... ни в чём не уверен.

Митяй выпил ещё пару стаканов и ушёл курить в тамбур. Не было его больше полчаса. Вернувшись, он тяжело сел на своё место.

– Слышь, извини. Как говоришь, тебя зовут? – спросил

попутчик, еле двигая языком. – Забыл...

Ответ Митя получить так и не успел, видно, спиртное окончательно подействовало, и он захрапел, откинувши голову на стенку. Николай закинул его ноги на полку, уложив в горизонтальное положение. Сам лёг и выключил свет.

5

Утром, когда поезд прибыл в Хабаровск, Николай тщетно пытался разбудить Митю. Потом поручил это неблагодарное дело проводнице и покинул вагон. На вокзале «поймал» такси и сразу поехал в аэропорт. Ближайший рейс до Екатеринбурга через пять часов. Купив билет, он вернулся в центр города уже на рейсовом автобусе. Чтобы скрасить своё пребывание, вместо «бесцельного шатания» по морозному Хабаровску, ходил на дневной сеанс в музыкальный театр. После – опять в аэропорт.

Неожиданно для себя в зале ожидания Николай встретил Людмилу. Признаться, этой встрече он был рад.

– Здравствуйте, Люда, – сказал молодой человек, подойдя к ней. – Неужели Вы летите в Екатеринбург?

– Нет, на этот раз я провожаю.

Он окинул взглядом полупустой зал и спросил:

– Тот, кого Вы провожаете, ещё не пришёл?

– Пришёл, – ответила Людмила и улыбнулась.

Николай с удивлением посмотрел на неё.

– Коля, я хотела проводить Вас, если, конечно, Вы не против.

– Как интересно! Разумеется, я не против. Но откуда Вы узнали, что я сегодня улетаю?

– Вы же сами сказали, что в командировке на неделю, в выходные улетаєте, в понедельник на работу.

– Ну да. Так и есть.

– Хотите, поговорим?

– Да, давайте.

– Понимаете, Николай, моя дочь...

– Тоня?

– Да, Тоня. Конечно, мы объяснили ей тогда, что она ошиблась. Но до конца она нам не поверила. Дочка всё-таки очень хочет пообщаться с Вами. И я здесь по её просьбе. Тонечка у нас своеобразный ребёнок. Понимаете, я обещала...

– Понимаю.

– Не могу настаивать, но если Вам несложно, когда в следующий раз полетите в Хабаровск, уделите немного времени, зайдите к нам, пожалуйста. Я ради Тони прошу.

– Эх, немного бы раньше нам сегодня встретиться! У меня как раз было свободное время, не знал, куда себя деть. Даже в театр ходил.

– Коля, здесь на листочке я написала наш адрес. Приезжайте, мы будем Вам рады. И ради Бога, извините за тот случай в аэропорту.

– Люда, не переживайте, всё нормально, – успокаивал Николай, забирая из рук Людмилы листок с адресом. – Я обязательно зайду к Вам в следующей командировке, а перед

вылетом позвоню.

– Спасибо Вам, Коля. До свидания.

– Людмила...

– Что?

– Люда, у Вас прекрасная дочь.

На прощанье она улыбнулась и пошла к выходу. Николай долго смотрел ей вслед, думая о том, что, возможно, это его судьба. Из раздумий его вывело объявление о начале регистрации на рейс в Екатеринбург.

Позже стало известно, что самолёт запаздывал на полтора часа по техническим причинам. Пассажиры узнали об этом после регистрации, находясь в транзитной зоне. Многие возмутились. Какой-то «смутьян» устроил пьяную потасовку. После вмешательства наряда милиции все успокоились.

Наконец, была объявлена посадка. А через некоторое время Николай сидел в салоне самолёта, рассматривая замусоленные журналы, которые лежали в кармашке кресла. Рядом на соседнем месте расположился молодой мужчина азиатской внешности. Себе на колени он положил небольшой чемоданчик, придавив его сверху обеими руками. Заметно было, что сосед немного нервничал. Мужчина заговорил первым через полчаса после взлёта, когда традиционно разносили напитки:

– Вы будете что-нибудь?

– Можно просто воды? – попросил Николай.

– Вот, держите, – сказал он, подавая стаканчик.

После этого попутчик продолжил беседу:

– Вы из Хабаровска или Екатеринбурга?

– Из Екатеринбурга.

– Я, Ринат.

– Николай.

– Из командировки возвращаетесь?

– Да.

– И я тоже.

– Ринат, чем Вы занимаетесь?

– Самолётостроением.

– Надо же, как интересно!

– Завод, где происходит сборка – в Комсомольске-на-Амуре, а детали и узлы самолёта разрабатывают в разных КБ и НПО по всей России и за рубежом. В Екатеринбурге мы производим «начинку» для блока управления. Вот в этом чемоданчике электронные платы, можно сказать, все секреты нашей страны.

– О! Ничего себе! – удивился Николай.

– Да, представьте себе. При испытании одна из поставленных плат дала сбой, мы её поменяли.

– А что, Ринат, другого способа для перевозки секретов страны нет?

– Есть, наверное. Но так получается дешевле.

– Надо же, не знал, – продолжал удивляться Николай. – И много самолётов делают? Сколько получается за год?

– Немного, Коля, немного. Хотелось бы больше, как ко-

гда-то в Советском Союзе, но финансирование слабое, госзаказа нет. В основном экспериментальные образцы производим. Кадры хорошие уходят из отрасли. Жалко.

– Да уж.

– А работа интересная. Сейчас наше предприятие совместно с корпорацией «Сухой» разрабатывает самолёт нового поколения. Просто настоящий прорыв в авиации! Но из-за плохого финансирования продвигаемся медленно.

– Жаль, конечно.

– Вот, вот. По-другому и не скажешь, – вздохнул Ринат.

– Знаете, Ринат, я сначала подумал, что Вы из Казахстана, – сказал Николай, решив перевести разговор на другую тему.

– Что, глаза узкие? – усмехнулся Ринат.

– Ну...

– Правда Ваша. Отец мой военный, родом из Казани, и был направлен служить в Казахстан под Семипалатинск. Там встретил мою маму, она казашка. Это уж потом мы переехали на Урал.

– Семипалатинск? Там же был полигон, где испытывали ядерное оружие!

– Да, так и есть, – подтвердил Ринат. – За годы своей службы отец много радиации «понахватал». На мне это тоже отразилось. Вот, присмотритесь на моё лицо. Что-то замечаете?

Николай посмотрел на Рината, но ничего не заметил.

– Объясняю. У меня на лице совсем не растёт щетина. Ко-

жа гладкая, только чуть-чуть усы редкие. Видите?

– Теперь вижу. Разве это из-за радиации?

– Думаю, да. Но переживать не стоит, сие не смертельно.

Зато бритва не нужна.

Николай улыбнулся, приняв его слова за шутку.

– Ладно! Коля, Вы меня извините, но я хочу музыку послушать, – сказал Ринат и вытащил плеер с наушниками.

На этом их разговор завершился. Конечно, Николаю было интересно расспросить Рината о полигоне в Семипалатинске. Кроме того, он ещё желал задать вопрос – в каком ВУЗе надо обучаться, чтобы попасть работать в самолётостроение. Но навязываться не хотелось. Каждый из собеседников занялся своим делом: Ринат слушал музыку, а Коля стал вновь вспоминать прошлые годы.

В 1986 году, когда он учился в выпускном классе, все узнали, что взорвался ядерный реактор на Чернобыльской АЭС. На ликвидацию катастрофы посылали солдат срочной службы, в том числе и новобранцев. Только сейчас многие понимают, насколько воздействие радиации опасно для всего живого. Некоторые его знакомые, побывавшие там в тот страшный год, уже умерли или мучаются от разных болезней. Если бы Чернобыль случился годом позднее, он тоже мог бы попасть туда. Но ему суждено было служить в Сибири. Мысленно Николай вновь переместился в то время, когда прошли его армейские годы.

После того случая с шаровой молнией минуло две недели. На КПП прибрались, в разбитую форточку вставили новое стекло, из самого помещения убрали всё лишнее.

Как-то после обеда Николай решил зайти туда. Его беспокоил вопрос: убил он жабу или всё-таки она осталась жива, сумев вылезти из-под камня? Для того чтобы это проверить, необходимо было выйти через КПП за пределы воинской части.

– Эй, Колямба! – позвал постовой, увидев его. – Айда сюда.

На КПП дежурил солдат по имени Андрей, родом из Красноярска, младше его на полгода. Николай подошёл.

– Слушай, братишка, правду, говорят, что Петьку-хохла шаровая молния ударила? Ты же тогда на посту был, всё видел.

– Да, видел, и это правда, – подтвердил Николай.

Потом он рассказал, как было дело.

– Ни фиги себе! Вот так силища у этой молнии! – удивлялся постовой.

– Да уж, – кивнул Николай.

– Так шарахнула!

– Тут это, Андрюха, такое дело...

– Чего?

– Я хочу выйти за территорию на пару минут, кое-что проверить.

– Ладно, давай, Колямба, тебе можно, – согласился постовой.

вой. – Только недолго, чтобы никто «не почикал». А то сам знаешь...

– Говорю же, Андрюха, на пару минут.

– Давай, давай.

Николай прошёл через КПП за территорию. Приблизился к той самой луже, откинул ногой большой камень, торчавший из воды. Жабы не было. Наверное, выбралась. Ну и, слава Богу! Коля почувствовал, что на душе стало как-то легче. Он хотел было пойти обратно, но постовой ему крикнул:

– Колямба, спрячься! Сюда идут!

Бежать к лесу было далеко, подойти к забору – увидят. За территорией части у самых ворот стоял «ГАЗ-66» с передвижной радиостанцией, представлявшей собой большую будку. Вход для оператора станции – через дверь по заднему борту. Коля подошёл, дёрнул ручку двери вниз, она и открылась. Недолго думая, он проник внутрь станции и, закрывшись, затаился. Внутри было душно, окна и двери закрывались герметично, поэтому, снаружи никаких звуков не слышно.

Вдруг Николай почувствовал, что у машины заработал двигатель. Вероятно, люди, которые шли в сторону КПП, являлись экипажем этой станции. Потом всё зашаталось, очевидно, машина поехала. Николай не удержался на ногах, потеряв равновесие, упал на пол. Чёрт! Что же делать? Схватившись за боковые поручни, солдат поднялся и попытался посмотреть в небольшое оконце. Машина ехала по просё-

лочной дороге, всё больше углубляясь в лес. Подобравшись к борту, примыкавшему к кабине, Николай начал стучать по нему кулаком. Затем стал ещё и кричать. Но его никто не услышал.

Куда они едут? И как долго это будет продолжаться? Автомобиль бросало из стороны в сторону по труднопроходимому бездорожью. Николай почувствовал себя плохо, его укачивало, не хватало воздуха. Выход один, если не хочешь задохнуться, нужно дождаться, когда скорость снизится и выпрыгнуть.

Открыть дверь удалось сразу, но прыгать было опасно. Створка двери болталась и стучала о борт станции. Но водитель, видимо, не обращал на это внимание. Вот, наконец, «ГАЗ-66» притормозил, скорость была минимальна. Николай сделал глубокий вдох и сиганул наружу. Хоть и сгруппировался, приземлившись на ноги, но по инерции упал на спину и покатился в овраг. Потом всё стихло.

Вот это да! Как же глупо получилось! Зачем было лезть в этот чёртов автомобиль? Ну, а если уж залез, так и сидел бы там, всё равно где-нибудь бы остановились. Все эти мысли «крутились» в Колиной голове, когда он, корчась от боли, лежал на дне глубокого оврага.

Вечерело, кусали комары. Николай, прихрамывая, шёл, как ему казалось, в сторону КПП. Какое расстояние проехала машина? Сколько идти? Понятно не было. А вообще, зачем идти обратно? Так можно и заплутать в этом лесу. Мо-

жет, лучше идти по ходу движения машины? Ведь здесь логика проста – выйти на проезжую часть, а там кто-нибудь всё равно поедет и поможет. Вдохновившись новой идеей, Коля развернулся. И дальше следовал в противоположную сторону, стараясь никуда не сворачивать с просеки.

Прошло уже часа два или три, он пересёк несколько развилок, выбирая всегда самую широкую, но конца этому видно не было. Чтобы комары и мошкара не кусали лицо и затылок, Николай снял с себя майку, намотал её на голову, оставив щелочки для глаз, сверху посильнее натянул пилотку. Толку было мало, вредные насекомые всё равно находили незащищённые места, лезли в глаза, прокусывали гимнастёрку и штаны.

Стало темнеть. Кроме назойливых гнусов, мучила жажда, а потом и голод. Но молодого солдата больше пугала перспектива ночёвки в тайге. Ведь он – житель большого города – абсолютно не знаком с законами выживания в экстремальных условиях. Хотя подсознательно Николай понимал, что ночевать придётся и нужно к этому подготовиться, пока ещё хоть что-то видно.

Найдя открытую поляну, примыкающую к просеке, он наломал несколько молодых елей, прислонил их к большой сосне, получился мини-шалаш. В качестве подстилки нарвал мягкие веточки сосняка. Когда совсем стемнело, забрался туда, свернувшись «калачиком». Уснуть не давал голод и страх. Помимо жужжания комаров слышались и другие зву-

ки – шорох, вероятно, издаваемый полевыми мышами, уха-
нье ночной птицы. То был филин или сова, как раз охотив-
шаяся за теми самыми мышами.

Вдруг неожиданно совсем близко стал слышен треск су-
чьев. В крошечной темноте Николай не мог видеть, но он
чувствовал его, это было какое-то огромное животное, воз-
можно, лось.

С нетерпением Николай ждал рассвета, чтобы продол-
жить свой путь. И вот, наконец, он забрезжил сквозь таёж-
ные заросли. Солдат вылез из своего утлого убежища, раз-
мял затёкшие конечности, сориентировался на местности и
вновь начал движение в поисках дороги. На этот раз идти
было куда тяжелее – болели мышцы ног, ушиб спины не да-
вал покоя.

В лучах солнца на траве блестела роса. Николай сорвал
большой лист, напоминавший лопух, свернул его в виде ку-
лёчка. С широких травинок и листьев осторожно стряхивал
росу, пока не наполнил водой свой кулёк до верха. Потом ма-
ленькими глоточками, боясь разлить такую драгоценность,
стал пить. Чувствовалось, как влага, пропитанная дыханием
тайги, растекалась по всему организму. Это было божествен-
но! Кто бы мог подумать, что, казалось бы, от таких простых
вещей можно прийти в абсолютный восторг. Только оказав-
шись в такой ситуации, ощущаешь, скольких радостей ли-
шён наш городской житель.

Николай повторил эту процедуру несколько раз. Голод

немного отступил, прошла вялость после бессонной ночи, появились силы, словно открылось второе дыхание. И он вновь зашагал по просеке, надеясь на скорейшее спасение.

Но надежда, как говорится, умирает последней. Лишь к концу дня он вышел к какой-то грунтовой дороге. Двигаться дальше сил уже не было. Через каждые несколько километров перематывал сбивавшиеся портянки. Но это уже мало помогало. Ноги были в кровавых мозолях.

Николай лежал на обочине дороги, от голода его подтащивало. Тяжесть во всём теле. Чувствовал себя той жабой, которую он придавил большим камнем.

Опять смеркалось. Что делать дальше – уже не знал. И решил он лежать так до утра, не обращая внимания на насекомых, на звуки и шорохи. А когда совсем стемнело, Николай заснул.

Под утро его нашли.

– Эй, солдат, ты жив?

Николай поднял голову. Над дорогой стоял густой туман. Он различал фигуры двух мужчин, которых можно было принять за охотников. Один из них, нагнувшись, тряс его за плечо.

– Ты чего тут делаешь? Наверняка же сбежал из своей части. Да?

– Нет, – ответил солдат еле слышно.

– Как зовут?

– Коля.

– Ты смотри, Саня, как его покусали, вся рожа опухла, – сказал человек своему спутнику.

– Вижу.

– Ну, и что с ним теперь делать?

– Хрен его знает. Гера, проверь – он не пьяный?

– Нет, вроде.

– Эй, парень, идти сможешь? – спросил его охотник, который отзывался на имя Саня.

Николай привстал, облокотившись на руку. У него закружилась голова, перед глазами поплыли круги.

– Похоже, у него нет сил, – предположил Гера.

– Сколько дней ты в тайге? – спросил Саня.

– Третий день, – ответил Николай.

– Жрать хочешь?

– Не знаю, наверное.

– Герка, по-моему, у тебя там хлеб и сыр плавленый оставался. Выкладывай всё, пусть поест.

– Сейчас сделаем, – сказал Гера и полез в свой вещмешок.

– У меня ещё морс клюквенный есть.

– Вытаскивай, дай ему.

Саня помог Николаю сесть, а Гера развернул материю, похожую на женский платок, и положил остатки своих припасов перед солдатом.

– Спасибо, – сказал Николай.

– Ты бери, бери, потом благодарить будешь, – сказал Гера,

присаживаясь рядом.

Николай с жадностью откусил чёрный немного чёрствый хлеб. Голод усиливал его аромат. Вкус этого куска был просто изумительным.

– Коля, старайся дольше жевать, а то пища может не усвоиться, – посоветовал Гера. – На вот морс, запей.

Съев всю предложенную пищу, молодой человек почувствовал, как постепенно к нему стали возвращаться силы. Он попробовал встать. Однако сбитые в кровь ноги напомнили о себе резким жжением. Николай сел и снял сапоги.

– Во даёт, «скорород»! – присвистнул Саня. – Ты куда так спешил, солдатик? Ноги «до колен» стёр.

Николай виновато смотрел на своих спасителей, не зная, как ему быть. А после рассказал им свою историю.

– Город «Б», говоришь? – задумчиво переспросил Гера. – Слушай, Сань, где там воинская часть? Я чего-то не знаю. Кроме того, ехать в этот самый «Б» так далеко...

– Герка, чего тут думать, – сказал Саня. – Давай отвезём его в Новосиб, сдадим в военкомат. Там уж разберутся.

– Да, до Новосиба-то куда ближе.

– Ты тогда побудь с ним, а я машину подгоню.

Саня скрылся за поворотом дороги.

– Эх, солдатик, как же это тебя угораздило? – вздохнул Гера. – Когда вернёшься, поди, ещё и за самоволку накажут.

– Наверное.

– Скажи мне, только честно, из части-то без криминала

ушёл?

– Как это?

– Ну, знаешь, бывают случаи. Солдаты иногда на почве неуставных взаимоотношений постреляют своих сослуживцев, а потом в бегá подаются.

– Нет, я точно ни в кого не стрелял. Просто случайность.

– Ладно, верю.

– Простите, как мне Вас звать? – спросил Николай, после небольшой паузы.

– Герман зови.

– А отчество?

– Просто Герман.

– Герман, а Вы охотник?

– Я-то? Нет, не охотник, – усмехнулся Гера. – Вот Сашка, он скорее да. У него тут недалеко заимка. От отца ещё досталась. Мы на заводе в Новосибирске уже давно вместе работаем, так он меня в пятницу уговорил поехать с ним в лес, водки попить. Якобы ему одному скучно. Заодно силки проверить. Сегодня утром встали, как раз шли проверять. А тут ты лежишь.

Подъехала «Нива» зелёного цвета.

– Гера, пожалуй, на заимку уже не стоит возвращаться, – сказал Саня. – Погрузим этого хлб́нца, да сразу в Новосиб.

– Сань, только мне кажется, его не в военкомат надо.

– А куда?

– Давай его лучше в больницу отвезём.

– Ну, как скажешь.

Ехали часа полтора или чуть больше. Несколько раз оставались. Николая укачивало и тошнило. Наконец, доехали до больницы. Мужики помогли солдату дойти до «Приёмного покоя». Там его осмотрела дежурный врач. Ей рассказали историю чудесного спасения военнослужащего.

– Товарищи, Вы правильно сделали, что к нам его привезли, – сказала врач. – У больного все признаки истощения. Кроме того, ему необходимо срочно принять антигистаминные препараты, поскольку его изрядно покусали.

– А как быть с воинской частью? – спросил Гера.

– Ничего, мы найдём способ сообщить в его часть, – ответила доктор. – Но недельку ему у нас полежать придётся.

– Ну что, солдат, поваляешься с недельку в больничке? – усмехнулся Гера.

– Если надо, то конечно, – согласился Николай.

– Я к тебе на днях заскочу проведать. Недалеко тут живу. Договорились?

– Договорились. Спасибо Вам, Герман.

– Бывай, солдат!

Припухлость и отёки от укусов насекомых спали к утру следующего дня, Николай вновь обрёл «человеческий облик». Ходить мешали мозоли на ногах, но и они потихоньку начинали затягиваться. Герман, как и обещал, зашёл к нему на третий день вечером.

– Коля, так я смотрю, ты – красавец! На поправку идёшь!
– радушно приветствуя молодого человека, воскликнул он, входя в палату.

– Надо полагать, – ответил Николай, пожимая руку своему спасителю.

– Вот что. Есть предложение, – тоном заговорщика сказал Гера. – В больнице по вечерам всё равно никого нет, поэтому приглашаю тебя к себе в гости. Выпьем, закусим, про жизнь потолкуем.

– Ну, не знаю, можно ли...

– Не дрейфь, «маэстро», я уже всё решил. Сашка там внизу в машине дожидается. Скидывай пижаму, надевай свою форму – и за мной.

– Но, Герман...

– Говорю тебе, нормально всё будет. С семьёй своей познакомлю. Переночуешь у меня, а утром в больничку вернёшься, никто и не заметит.

Гера был так убедителен и уверен в успехе мероприятия, что Николай не стал долго спорить, переоделся в постиранную накануне гимнастёрку и спустился к машине, где их ожидал Саня. Доехали за пять минут. Вытащили из багажника пару сумок, вероятно, с припасами для застолья. Зашли в подъезд пятиэтажного дома и поднялись по лестнице. Герман позвонил в дверь.

– Здравсьте, – саркастически сказала женщина, открывшая им дверь. – Ну, и кого это ты к нам привёл, Герман Оттович?

– Тамара, чего ты с порога-то начинаешь? – немного возмущённо, но всё же мягко парировал Гера. – У нас повод.

– Повод?

– Да. Вот, солдата в тайге спасли. Ну, помнишь, я же тебе позавчера рассказывал.

– Помню.

– Ты не переживай – у нас всё с собой. Посидим немного по-семейному.

– Мне-то чего переживать? Проходите, раз пришли.

Все трое вошли в квартиру.

– Ребята, давайте сразу на кухню, – распорядился Гера.

На кухонный стол были выставлены две бутылки водки, хлеб, варёная колбаса и «закатанные» в стеклянные банки различные закуски и салаты.

– Вы с Сашкой – два взрослых мужика, а спаиваете совсем молодого юношу, – возмущалась Тамара, глядя на быстрые приготовления. – И не стыдно вам?

– Тамара Петровна, будет тебе! Если парень скажет, что не пьёт, мы ему насильно наливать не будем, – отозвался Александр. – Давай лучше, Тamarочка, садись с нами. Давно ведь не собирались.

– А я о чём толкую-то, – поддержал его Гера.

Тамара Петровна – женщина крупная, с открытым румяным лицом, несмотря на свои сорок «с хвостиком», безусловно, считалась красавицей. Про таких говорят: «настоящая русская женщина», из тех, кто «коня на скаку остано-

вит». Долго упрасивать себя не стала и села за стол на свободную табуретку.

– Ты, парень, откуда родом? – спросила она Николая, который от смущения не знал, куда себя девать.

– Со Свердловска.

– С Урала, значит?

– Да.

– Ну, надо же! А я в области с родителями проживала. Нижний Тагил. Слыхал?

– Конечно, слыхал.

– Вот это я понимаю! Земляка встретила!

– Ага, видишь, что ни делается, всё к лучшему, – заключил Гера. – Тома, чего ты расселась, неси рюмки, не из кружек же водку кушать.

– Ладно, сейчас принесу, – согласилась Тамара Петровна.

Застолье продолжалось часа три. Немного захмелев, Тамара Петровна пела русские народные песни, Саня и Гера подхватывали, как могли. Николай немного привык к новому обществу, больше слушал, чем говорил.

Потом, открыв квартиру своим ключом, вошла она.

– О! – загудели присутствующие. – Рита, давай к нам!

– Чего это вы, родители, водку пьёте? – посетовала она, пытаясь из прихожей рассмотреть гостей. – На работу же завтра.

– Ритуля, а у нас гость! – объявил Герман. – Ну-ка, иди сейчас же познакомься!

– Рит, ну правда, зайди, – поддержала его Тамара Петровна.

– Мам, если честно, мне не до гостей, – сказала Рита, но всё же из любопытства направилась на кухню.

Стройная рыжеволосая девушка с длинными локонами грациозно вошла. Её широко поставленные ярко зелёные глаза словно «впились» в присутствующих. Николай сразу же отметил нежность кожи и красоту её лица. Но больше всего поразила величина бюста. Грудь казалась настолько роскошной, что одежда, которой она была прикрыта, никоим образом не могла скрыть её достоинства.

– Маргарита Германовна! Как же мы повзрослели! – присвистнул Александр. – Давно я тебя не видел.

– Здравствуйте, дядя Саша, – кивнула ему девушка.

– Вот, Рита, познакомься – солдат по имени Николай, которого наши охотнички нашли в тайге, – представила гостя Тамара Петровна. – Оказался мой земляк – уралец.

– Очень приятно! Маргарита...

Николай настолько был смущён и, чтобы представиться, соскочил с места, при этом случайно зацепил край скатерти. Вся посуда и её содержимое с одного края стола опрокинулась, а звон тарелок заглушил звук его голоса.

Рита улыбнулась, не сказав ни слова, вышла из кухни и удалилась к себе в комнату.

– Ты чего, Колька, так разволновался-то? – спросил Гера. – Посуду чуть всю не побил. Спокойнее надо к этому отно-

ситься.

– Простите, Герман...

– Ну-ка, признайся, только честно, запал на неё?

Николай покраснел, опустив голову, но ничего не ответил.

– Если запал, возьми, познакомься, а там глядишь и...

– Чего болтаешь, пень старый?! – возмутилась Тамара Петровна. – Чему учишь? Ритка только первый курс окончила, дай ей хоть до диплома дожить!

– Ну, ты чего, мать, опять завелась?

– А ничего! Думай башкой иногда! Вечно «зальёт шары»!..

– Тома, ну перестань, не ругайся, – попытался вклиниться Саня.

– Ладно, надоели вы мне оба! – заключила Тамара Петровна. – Пора и честь знать, на работу завтра! Укладывайтесь где хотите, я спать пошла.

Хозяйка вышла из кухни, оставив мужскую компанию.

– Вон оно как! – сказал Гера, подняв кверху указательный палец. – Вишь, Колька, как живём? Как на вулкане.

– Зато не скучно, – поддержал его Александр.

– О! Золотые слова! – воскликнул Гера. – Санька, дай я тебя обниму. Ты у меня молодец! Хороший мужик.

– Ты тоже хороший.

– Нет, я всю жизнь был плохим, – возразил Гера.

– Почему?

– Потому, что я родился немцем.

– И чё?

– Как это чё? Саня, соображай! Для советского человека, особенно прошедшего войну, немец был враг номер один. Знаешь, как фронтовики моего папу били? Я видел. Спрашивается, за что? Только за его немецкую фамилию. А ведь мы – немцы СССР – к Германии никакого отношения не имели. При Сталине, во время войны, нас взяли вот так, как скот, посадили в вагоны и вывезли из Поволжья, кого в Сибирь, а кого в Казахстан. Сейчас перестройка, Горбачёв. Можно выехать в Германию. Зазывалы со всех сторон агитируют: «Выезжайте! Выезжайте! В Германии Вас ждут!». Но я никуда не хочу ехать, я даже язык не знаю.

– Гера, успокойся, ты уже пьян, – сказал Александр, обняв его за плечи. – Что скажет Коля? Ещё не так поймёт.

– Колька нормальный пацан, всё он поймёт. Сейчас я вам с ним в коридоре постелю. Надо до завтра выспаться. Коля, не побрезгуешь в коридоре спать?

– Ну, это гораздо лучше, чем в тайге на голой земле, – отозвался Николай.

– О! Молодец!

– Эх, ничего вы не понимаете. Тайга жизни учит, – вставил своё веское слово Саня.

– Ладно, мужики, не обижайтесь. Пошли лучше спать.

Гера вытащил с балкона широкий матрас и пару подушек, потом принёс постельное бельё. Сам, еле передвигая ноги, пошёл в комнату. Когда Саня с Николаем расстилали себе

постель, слышно было, как в комнате что-то гроыхнуло под возмущённый окрик Тамары Петровны.

– Похоже, там Геру с кровати скинули, – тихо хихикнув, сказал Александр.

Забравшись под одеяло, Николай ещё долго лежал с открытыми глазами. Не спалось, думал о Рите. Конечно, он был под впечатлением от её красоты.

А рано утром на рассвете Саня отвёз его обратно в больницу. Успели до утреннего обхода.

7

Из глубоких размышлений Николая вывела ситуация, происходившая с самолётом. Неожиданно лайнер стало трясти и раскачивать из стороны в сторону. Слышны были скрипы в местах крепления крыльев к корпусу. Обеспокоенные пассажиры отвлеклись от своих занятий, смотрели по сторонам, в надежде получить объяснения от стюардессы.

– «Болтанка», – заключил Ринат. – Это бывает. Самолёт попадает в зону турбулентности, его начинает потряхивать. Плохие метеоусловия.

– А долго это будет продолжаться? – осторожно спросил Николай.

– Думаю, нет. Пролетим эту зону – и всё. Хуже, когда происходит обледенение корпуса.

– Обледенение?

– Да. Это когда в атмосфере скапливаются переохлаждённые капли воды. Носовая часть самолёта покрывается ледя-

ным панцирем. Машина становится тяжелее и менее управляемой, так как нарушаются законы аэродинамики.

– И что?

– Ничего. Надо идти на посадку.

– На посадку?

– Коля, успокойтесь, прошу Вас. Это бывает крайне редко.

В зимний период перед вылетом самолёты проливают противобледенительной жидкостью.

– Знаете, Ринат, когда я летел в Хабаровск, встретил одну девушку, которая боялась летать. Так вот она рассказала, на чём основываются её страхи. А в нашей сегодняшней ситуации, я вспоминаю сказанное ею.

– На чём же основываются её страхи?

– Не помню дословно, но, кажется, она сказала так: самолёты падают из-за разгильдяйства и безответственности людей.

– Как ни прискорбно, но эта девушка во многом права. Сейчас в авиации, в основном гражданской, много случайных людей.

Словно в подтверждение его слов самолёт ещё пару раз изрядно потрянуло. Потом Николай почувствовал, как его тело вдавило в кресло, а через некоторое время, наоборот, ощущался эффект невесомости. Ринат был невозмутим. Последовав его примеру, Николай тоже постарался успокоиться.

Стюардесса разносила еду. Пассажиры с энтузиазмом разбирали пластиковые контейнеры, наливали кипяток для чая

или кофе. Про «болтанку» уже никто и не вспоминал. Но через полчаса после приёма пищи по громкоговорителям было объявлено, что самолёт совершит вынужденную посадку в Новосибирском аэропорту Толмачёво. На вопрос пассажиров о причине вынужденной посадки стюардесса отвечала, что командир экипажа принял такое решение, а командиру всегда виднее. Вскоре все подчинились заданному курсу и летели туда, куда летел самолёт.

– Видно, у них что-то серьёзное, раз посадка вынужденная, – заметил Ринат. – Перед вылетом из Хабаровска была задержка. Не исключено, что причина та же.

– Возможно, – согласился Николай. – Кстати, только недавно думал о Новосибирске, а уже совсем скоро мы окажемся там.

– Почему Вы думали именно о Новосибирске?

– Просто я там служил.

– Понятно, – кивнул Ринат и опять надел наушники.

При упоминании города Новосибирска, Николай всегда вспоминал о Рите. Хоть бы одним глазком увидеть её. Какая она теперь стала? Где работает, как живёт?

8

Но если продолжать вспоминать, то лучше всё по порядку.

На следующий день вечером в больницу к Николаю пришёл Гера. Он виновато посмотрел на солдата и после рукопожатия некоторое время молчал, сидя на стуле.

– Коля, ты прости меня за вчерашнее поведение, – начал

он. – Мне следовало прежде немного поесть, а я выпил водки на голодный желудок, меня и «развезло». Неудобно так получилось.

– Я не в обиде на Вас, Герман. Можно ли обижаться на своего спасителя.

– Ну, какой я спаситель? Так, случайно оказался в нужное время и в нужном месте.

Он достал из пакета несколько красных яблок. Положил на тумбочку.

– Вот, яблоки венгерские, поправляйся.

– Спасибо.

– На здоровье.

– Герман, можно вопрос?

– Конечно, спрашивай.

– Вы вчера рассказывали про немцев, которых вывезли из Поволжья в Сибирь.

– Рассказывал? Слушай, не помню. А что, тебе это интересно?

– Интересно. Можно мне как-то подробнее узнать о немцах СССР?

– Ну, если интересно, могу и подробнее рассказать. Немцы ведь ещё при Петре Первом массово приезжали в Россию. Компактно расселялись в разных местах. Много их было на Украине и в Поволжье. Веками они жили и трудились на выделенной им земле. В 1941 году, когда началась война, советские немцы оказались заложниками ситуации. Сталин

тогда боялся, что они перейдут на сторону нацистов, станут их пособниками. Поэтому всё немецкое население насильно переселялось. Некоторые называют это депортацией, но всё же правильно говорить переселение, поскольку данное перемещение осуществлялось внутри СССР. Людей сажали в товарные вагоны и увозили на Восток страны – в Западную Сибирь, в степи Казахстана и Киргизии. В начале 1945 года мой отец со своей семьёй оказался в Новосибирске, во временном лагере для переселенцев из Поволжья. По дороге от голода и болезней умерли сестра и тётя. Я тогда был «грудничком», может, поэтому и выжил.

– Надо же, подумать только!.. А я не знал про переселение немцев.

– Конечно, не знал. Ведь такие факты истории никогда не афишировались. Это сейчас объявлена «Перестройка» и «Гласность».

– Ну да.

– Коля, прости, но мне уже пора. Когда будешь уезжать, заскочи ко мне, тут ведь недалеко. Попрощаемся.

– Ладно, если получится, зайду.

Простившись, Герман ушёл.

Спустя два дня Николаю было сообщено о выписке. А ещё через день за солдатом приехал «УАЗик-бухánка», присланный специально из части. Водителя пришлось уговаривать заехать:

– Я максимум минут на десять забегу, попрощаюсь только. Ты пойми, он ведь мне жизнь спас.

– Хорошо, заедем, – согласился водитель. – Только смотри, недолго.

– Конечно, недолго.

Подъехали к дому. Перед подъездом стояли две молодые девушки. В одной из них Николай узнал Риту.

– Здравствуй, Рита, – поприветствовал он.

Рита некоторое время смотрела на него, пытаясь вспомнить, где они могли видеться.

– Я, Николай. Помнишь, в эту среду мы собирались у Вас?

– А, точно, дошло теперь, – сказала Рита и улыбнулась, словно припоминая, как тогда за столом солдат от смущения был неуклюж.

Её улыбка показалась Николаю просто фантастической.

– Вот, уезжаю обратно в часть, хотел попрощаться и ещё раз сказать твоему отцу спасибо за моё спасение.

– Слушай, Фрбша, чего это тебя на солдатиков потянуло? – лукаво подмигнув, вступила в разговор подружка. – Смотри, расскажу твоему Славке.

– Знакомься, Коля, моя подружка Маша, – представила её Рита.

В знак приветствия Маша слегка опустила голову, не отрывая от Николая взгляд своих карих глаз.

– Коля – друг моего отца.

– Понятно. Ладно, пойду я, завтра увидимся. Приятно

оставаться.

– Ага.

– Можно вопрос, Рита? – спросил Николай, когда они остались одни.

– Конечно, задавай.

– Почему подруга назвала тебя Фрóшей?

– Не обращай внимания. Меня так с первого класса дразнят. Фамилия, доставшаяся мне от отца – Фрошáуэр.

– Надо же, интересная фамилия.

– Да, немецкая. Мне нравится. Кстати сказать, когда отец впервые получал паспорт, паспортистка неправильно указала его имя. Настоящее имя отца не Герман, а Генрих. Так что моё полное имя – Маргарита Генриховна Фрошáуэр. Отец уже давно привык к своему новому имени, и никогда не стал бы поднимать шум из-за этого, потому что стеснялся своей национальности. Но когда-нибудь я изменю это недоразумение.

– Понятно.

– Слушай, Коля, а где ты служишь?

– Здесь, в области. Город «Б» знаешь?

– Знаю, где-то недалеко от Новосиба.

– Да, недалеко.

Водитель «УАЗа» посигналил, намекнув на то, что уже пора.

– Это тебя? – спросила Рита.

– Да, меня, – кивнул Николай. – Неохота уезжать. Так бы

стоял и разговаривал с тобой. Знаешь, ты очень красивая.

Какая-то искорка вдруг пробежала между молодыми людьми, и они оба это почувствовали. Рита, смутившись, покраснела и опустила свои зелёные глаза. Николай хотел взять её за руку, но его остановил водитель, посигналивший в очередной раз.

– Тебе пора, – сказала Рита.

– Да. Надо ещё успеть к твоим.

Николай забежал в подъезд, оставив Маргариту одну. Быстро поднялся по лестнице, позвонил в квартиру. Дверь открыл Гера.

– О! Солдатик, проходи, давай.

– Герман, я на минутку, попрощаться. Уезжаю в часть.

– Тома, выйди! – позвал Гера. – Наш солдат уезжает.

– А, ну здравствуй, как говорится, и прощай, – вяло отозвалась Тамара Петровна, выходя из ванной комнаты, где, по всей видимости, занималась стиркой.

– Эх, жаль, Маргариты нет дома, – посетовал Гера.

– Мы с ней на улице встретились, – сказал Коля.

Тамара Петровна недобро посмотрела на молодого человека, и от её тяжёлого взгляда солдату стало как-то не по себе.

– Вот и ладно, – добродушно сказал Гера. – Когда на дембель-то?

– Этой осенью.

– Что ж, давай дослуживай.

– Спасибо Вам за моё спасение и тёплый приём.

– Не за что. Не забывай нас. Может, ещё свидимся.

– До свидания.

Попрощавшись, Николай стремительно выбежал из подъезда. Рита всё ещё была там.

– До свидания, Рита.

– Коля, хочешь, я напишу тебе?

– Хочу.

– Тогда скажи адрес своей части.

Николай продиктовал адрес, а девушка достала из сумочки блокнот и сделала запись.

– Как твоя фамилия?

– Коробков.

– Запомню. Ладно, до свидания, Коля.

Николай тоже сказал: «до свидания», но звук его голоса заглушил пронзительный сигнал «УАЗика».

Сел в кабину рядом с водителем и, пока машина делала разворот, смотрел на Риту, а она смотрела на него. Была тихая грусть. Эх, такая девушка, способная своей красотой вскружить голову любому, вдруг проявила к нему интерес. Николай нутром почувствовал, что открывается новая страница его жизни.

«УАЗ» ехал быстро по хорошей дороге, если верить указателям, в сторону города Томск. Время в пути – чуть больше двух часов. Когда Николай вошёл в казарму, его окружа-

ли сослуживцы и стали засыпать вопросами. Дежурный по роте, протиснувшийся между военнослужащими, сообщил, что рядового ожидает у себя командир части.

– Ну что, Коробков? – начал полковник, как только Николай вошёл в его кабинет. – Я так понимаю, приключения твои продолжаются? Не можешь ты без этого. Да?

– Товарищ полковник, это была случайность.

– Скажи мне, товарищ солдат, с каких это пор самовольное оставление части стало случайностью? Ты что, не контролировал свои действия? Или тебя кто-то против твоей воли за руку увёл?

– Но...

– Молчать! Мы тут все чуть с ума не посходили! Видано ли, пропал военнослужащий! Ты что это вместо демобилизации в тюрьму захотел, под трибунал?!

– Никак нет!

– В общем, предоставишь мне подробное объяснение в письменном виде. Ясно?

– Ясно, товарищ полковник!

– А сейчас уйди с глаз моих!

– Есть!

– Стой. Дежурного ко мне пригласи.

– Есть!

Через некоторое время объявили построение внутри казармы. Николая вывели перед строем солдат.

– За самовольное оставление части! Приказываю! – про-

возгласил командир. – Рядовому Коробкову объявить дисциплинарное взыскание в виде выговора с занесением в личную карту военнослужащего!

Полковник многозначительно окинул взором весь строй, потом продолжил:

– Кроме того, назначить рядовому Коробкову трое суток дисциплинарного ареста. Приказ привести в исполнение незамедлительно.

Вышел дежурный по части и попросил Николая следовать за ним в комнату дежурного. Построение было распущено. Вскоре в казарму зашёл патруль и увёл арестованного в караульное помещение, где была обустроена гауптвахта.

Стены комнаты для арестованных, размером два на три метра, были выкрашены в чёрный цвет. Металлическая дверь имела обрешётчатое смотровое отверстие, одновременно служившее единственной отдушиной для притока в комнату свежего воздуха. Весь комфорт заключался в установленной деревянной лавке, прикреплённой к одной из стен.

Николай понимал, что это наказание являлось справедливым и, по большому счёту, был готов к такому развитию ситуации. Сначала он посидел на лавке, потом лёг на неё и заснул.

– Эй, Колямба, ужин принесли, – разбудил его Андрей, который в этот день оказался в наряде. – Ты спишь что ли?

– Уже нет, – отозвался Николай и сел на лавку.

Дверь открылась.

– Держи миску, когда съешь, налью тебе чай.

– Давай.

На ужин дали гречку с тушёнкой. Еда оказалась несколько суховатой и пересоленной, но всё равно надо было подкрепиться.

– Тогда на КПП я так и не понял, куда ты девался, – говорил Андрей. – Думал, может, незаметно в часть вернулся. А потом, после вечерней поверки сообщили, что ты исчез. Мне пришлось доложить дежурному, что ты вышел за пределы части и не вернулся. На следующий день мне дали два наряда вне очереди за плохое исполнение обязанностей. Но я, конечно, за тебя испугался, мало ли, что могло быть.

– Всё нормально, как видишь.

– Вижу. А ты где был-то?

– В Новосибе.

– А зачем мне сказал, что на минутку выходишь?

– Андрюха, откуда я мог знать, что так получится? Ты же сам попросил меня спрятаться.

– Ну.

– Я залез в передвижную радиостанцию. Помнишь, там «ГАЗ-66» стоял?

– Помню. Так ты что ли в машину залез? – засмеялся Андрей. – Ну, ты артист! А она, значит, тебя в Новосибирск увезла?

– Не совсем. По дороге я выпрыгнул, а потом в тайге заблудился. Меня подобрала охотники и привезли в Новосибир, там положили в больницу.

– Зачем в больницу?

– Ноги я сильно натёр, ходить не мог, плюс истощение.

– Истощение?

– Так я три дня по тайге «плутал».

– Ну, ты даёшь! Ей Богу, артист!

Мимо проходил начальник караула.

– Караульный, отставить разговоры с арестованным! – приказал он.

– Есть! – ответил Андрей.

Потом шёпотом сказал Николаю:

– Ладно, Колямба, ешь. Зови, если что.

Эти трое суток пролетели быстро. Арестованный Николай большую часть времени спал. На жёсткой лавке было неудобно, но как говорится, лежать – не мешки ворочать. Всё это время он думал о Рите.

Время шло, уже наступил ноябрь. Письмо, которое обещала написать девушка, так и не приходило. Военнослужащие его призыва думали о дембеле, рассказывали, как поедут домой, и чем потом будут заниматься. На душе Николая была какая-то пустота и тоска одновременно.

Однажды под утро ему приснился кошмар. Как будто та самая жаба, которую он обкидал камнями, вдруг начала сни-

мать с себя кожу, как в сказке о Царевне-лягушке. Только делала она это в таких ужасных муках, что страшно было смотреть. А когда сняла кожу, то явилась перед ним Рита. Но это не была та улыбчивая и счастливая девушка, которую он знал. Она страдала и плакала, говорила, что очень несчастна, просила ни при каких обстоятельствах не встречаться с ней. Потом стала обвинять Николая во всех своих бедах, хотя было не совсем понятно, в чём, собственно, его вина.

Николай проснулся весь в поту. Какой странный сон. Возможно, это было некое предостережение, данное ему свыше. Он лежал с открытыми глазами, пока дневальный не скомандовал:

– Рота, подъём!

Солдаты потянулись на построение, где состоялась утренняя переключка. Далее по распорядку – физзарядка в виде трёхкилометровой пробежки по территории части, полчаса на приведение себя в порядок, завтрак и развод на работы.

Николаю и ещё двум его товарищам досталась уборка снега вдоль забора в районе КПП. Часа через полтора объявили перекур. Солдаты весело болтали на отвлечённые темы, а Николай с тоской смотрел на дорогу, по которой его тогда летом увёз «ГАЗ-66», и он потом познакомился с Ритой. Девушка сегодня явилась ему во сне. Такие сновидения приходят только потому, что постоянно думаешь об одном и том же.

Дорога просматривалась на протяжении ста пятидесяти

метров до самого поворота в лесной массив. Вдруг Николай увидел приближающегося к воротам человека, кто-то шёл в сторону КПП. Кажется девушка. Возможно, библиотекарь или медсестра из воинской части. Нет, не похоже. Что, если просто жительница из местной деревни? Однако одета она по-городскому. Голубая короткая куртка и джинсы. Распущенные длинные рыжие волосы, покрытые сверху белым беретом. Господи, не может быть!.. Да это.... Это же Рита!

Николай подбежал к воротам. Затаив дыхание, он ожидал, когда девушка подойдёт. Вот и она увидела его. Потом какое-то время молодые люди стояли, молча созерцая друг друга через стальные, выкрашенные в зелёный цвет, прутья забора.

– Рита, – тихо сказал Николай. – Как же я ждал тебя.

– Я тоже скучала, – также тихо ответила Маргарита. – Что же нам делать, Коля?

– Эй, отойдите от ограждения! – раздалось справа.

Это была реакция дневального на КПП. Рита отступила на несколько шагов. Николай подбежал к караульному.

– Послушай, выпусти меня! – обратился он к солдату.

– Не положено, – отвечал тот. – Все вопросы к начальнику караула.

– Не видишь? Ко мне девушка приехала!

– Сейчас позвоню в дежурную часть.

– Звони, братишка, звони скорее! – торопил его Николай.

– Товарищ капитан, тут к Коробкову родственница прие-

хала.... Есть! Понятно.

– Ну, что он сказал?

– Сейчас подойдёт.

Коля опять прильнул к ограждению. Рита терпеливо ждала.

– Не выпускают, сейчас дежурный подойдёт, – объяснил он девушке.

Рита кивнула.

– Здравия желаю! – сказал капитан, подойдя к Николаю.

– Ну и, что тут у нас случилось?

– Товарищ капитан, ко мне приехала девушка!

– Вижу, что не бабушка, – усмехнувшись, сказал дежурный. – На территорию части посторонним нельзя.

– Но...

– Увольнительную для личного состава подписывает командир части. А его нет, и не будет пару дней.

– Товарищ капитан, может, разрешите мне выйти? Ну, в виде исключения. Пожалуйста!

– Нет, тебе точно не разрешу. Один раз ты уже вышел, второго раза не будет.

– Как же...

– Разрешаю пообщаться в помещении КПП, но не больше часа. После чего Вашей барышне необходимо будет покинуть расположение части. Вопросы есть?

– Никак нет.

– Вот и чудесно. Девушка, идите на КПП, запишите свои

данные в журнал. Пойду, предупрежу дневального.

Николай проследовал за дежурным, но увидел, что ему махнул один из солдат, с которым убирали снег вдоль забора. Это был Сергей Алалыкин – его одноклассник – парнишка из Омска. Он вместе со всеми наблюдал за происходящим.

– Коля, хочешь, я тебе всё организую. У нас на насосной станции мужик работает из местных, сколько раз меня выручал. Ко мне невеста частенько приезжает. Встречаемся в цивилизных условиях. Дом тебе снимет за «трёшку». Недорого. Договориться?

– Да, но как? Не дай Бог опять попасться...

– Я с тебя удивляюсь! Скажи мне, кому ты нужен после отбоя?

– Логично! Ладно, договаривайся.

– Ну, где ты там, Коробков! – окликнул Николая дежурный.

– Иду.

– В общем, тут без глупостей, – сказал капитан, когда солдат подошёл. – Поговорили и разошлись. Всё ясно?

– Ясно.

Дежурный и дневальный вышли, молодые люди остались одни.

– Коль, ты прости меня за незванный визит, – начала Рита.

– Да ты что! Я так рад, что ты приехала. Как ты вдруг решилась?

– Не знаю даже, как объяснить...

– Ты просто говори, я пойму.

– Вчера к нам в гости зашёл Славик – друг нашей семьи.

Мы с ним росли вместе, учились в одном классе. Ради меня он поступил в тот же институт. Короче, он сделал мне предложение.

– А ты?

– Раньше я думала, что у нас с ним судьба такая – быть всегда вместе. Но когда я встретила тебя, во мне что-то переменялось.

– Переменялось?

– Да, переменялось. Я всё время вспоминала о тебе.

– Хм...

– Мама настаивает на том, чтобы я дала согласие. Семья Славы живёт в достатке. Его родители – люди приличные, ко мне хорошо относятся.

– А отец твой что говорит?

– Отцу, похоже, всё равно. А вот с мамой получился серьёзный конфликт. Я уехала сегодня утром.

– Как же ты добралась сюда?

– Села в электричку. В центре уезда узнала, как добраться до воинской части. На автобусе доехала до ближайшей деревни, потом пару километров пешком. Надеюсь, что тебя со мной отпустят. А тут в части оказывается столько запретов.

– Да уж. Но если ты хочешь остаться со мной, то можно организовать...

Рита опустила глаза.

– Главное, чтобы ты этого хотел, Коля.

– Рит, когда я впервые увидел тебя, сразу понял, что жить без тебя не смогу. Только о тебе и думал.

Молодые люди обнялись. Николай чувствовал, как бьётся её сердце. Он ощущал её запах, который так кружил голову. Ещё совсем недавно держать в объятьях очаровательную девушку сибирячку Риту, казалось утопией, несбыточной мечтой. Но сейчас это происходило с ним наяву. Постепенно Николай начал выходить из оцепенения. Он откинул с её лица рыжие локоны и смотрел в зелёные, как изумруды, глаза.

– Всё так неожиданно, – шептал он.

– Написала, что хочу к тебе приехать, я отправила два письма...

– Я не получил ни одного, почему-то не дошли.

– Не дошли?

– Потерялись, наверно. Теперь уже неважно, ведь ты сама приехала.

На крыльце послышались торопливые шаги. В помещение вошёл Серёга Алалыкин.

– Ой, я дико извиняюсь, – смутился он, увидев обнимающихся. – Коля, ты это... короче, я договорился. Только надо это... ну, твою барышню проводить сейчас, пока человек-то не ушёл.

– Серый, говори, что надо делать? – немного раздражённо

переспросил Николай.

– Ну, смотри, девушка сейчас выходит с КПП, вдоль забора идёт к насосной станции, там её встретит Егор и проводит в дом. А вечером вы там встретитесь. Хотите на день, можно и дольше, условия я тебе сказал. Домишко – что надо, мне тогда понравилось.

– Рит, что ты решила? Останешься? – спросил её Николай.

– Да, останусь, – ответила девушка.

– Ладно, тогда до вечера.

– До вечера.

– Сейчас сразу направо. Там тропинка вдоль забора, никуда сворачивать не надо. Прямиком к насосной станции и выйдешь, – объяснил Сергей Рите. – А я со стороны части оббегу, предупрежу Егора, пускай встречает.

– А этот Егор твой нормальный? – недоверчиво спросил Николай.

– Ясен пень! Говорю тебе, свой человек, – успокоил Ала-лыккин.

– Не обидит девушку?

– Не бойсь, не обидит.

Вечером, после команды «Отбой», Николай вылез наружу через окно в туалете, и таким образом в сопровождении Сергея покинул казарму. Дальше прошли хозяйственный двор и перелезли через ограждение. Алалыккин вызвался сопроводить до самой деревни.

– Колька, запоминай дорогу. Обратно один пойдёшь. Летом было бы, конечно, лучше – снег не мешает. Зато зимой любовь крепче.

– Хорошо.

– Кстати у них в деревне самогон неплохой. У Егора тоже есть.

– Самогон мне не нужен, – сказал Николай.

– Ну, я так, на всякий случай, – оправдывался Серёга. – Тут мне рассказывали, пару лет назад дело было. Солдаты день рождения одного из своих сослуживцев отмечали, выпить хотелось. А взять негде. Нашли в свинарнике бутылку с жидкостью. Понюхали, вроде спиртом пахнет. Попробовали на язык, ну спирт и спирт. Разбавили один к одному водой, и давай жрать. Потом всю компанию в больничку с мигалками увезли. Выяснилось, что в бутылке была настойка чемерицы. Эту отраву коровам разводят несколько капель на ведро, чтобы отрыжка была после пережёвывания сена. Представляешь? Несколько капель на ведро! А они один к одному разбавили. Кое-как откачали.

– Да уж, артисты.

– Поэтому самогон и предлагаю, вместо всякой дряни.

– Серёга, я не пьянствовать собираюсь. С девушкой встречаюсь. И вообще, не знаю, чем эта затея закончится.

– Колька, нормально всё будет.

Егор – деревенский мужик лет пятидесяти, встречал их в сенях своего дома, попыхивая самокруткой с «самосадам».

– Пришли, что ли? – спросил он.

– Пришли, пришли, – буркнул в ответ Алалыкин.

– А то краля Ваша уж заждалась. Дело-то молодое, понимаем.

Николай достал из кармана три рубля, сунул купюру хозяину.

– Благодарствуем, – отвесил поклон Егор. – Дом я протопил, до утра Вам хватит. Постельное в комнате свежее. Можно было бы и баньку сообразить.

– Нет, баньку не надо.

– Ладно, смотрите, дело Ваше, – махнул рукой Егор. – Я к родственникам спать пойду. Утром буду часов в восемь. Успевайте. Уйдёте раньше, не забудьте дверь посильнее прижать, а то она у меня туго закрывается. Надумаете продлить, ну опять три рубля потребуется. А так милости просим, проходите.

Серёга Алалыкин попросался, а за ним следом и Егор захлопнул дверь.

Николай прошёл в избу. Внутри было тепло. За столом перед самоваром сидела Рита. Увидев знакомое лицо, она вся просияла и соскочила с места. Молодые обнялись.

– Колюшка, наконец-то ты пришёл.

– Рита!

– Боялась, вдруг не придёшь.

– Рита, я так волнуюсь, – шептал Николай. – У меня никогда не было отношений с девушкой.

– У меня опыта тоже нет, – тихо говорила Рита. – Но не волнуйся, начни с чего-нибудь, а там как получится.

Николай стал покрывать её лицо поцелуями. Потом, когда возбуждение начало нарастать, они стаскивали друг с друга одежду, лаская обнажённые тела. Николай старался быть как можно нежнее...

Описывать процесс во всех его подробностях с нашей стороны было бы неправильно. Одно можно сказать: матушка-природа подсказала молодым людям как действовать. И это был не просто секс. Блаженство, которое испытывали любовники, не имело границ. Мир со своими проблемами и суетой просто перестал существовать. Они были предоставлены сами себе и слушали только ритм своих сердец, любясь красотой молодых тел, полностью, без остатка, растворяясь друг в друге.

Успокоились только к шести утра.

– Рита, я должен идти, – сказал Николай. – Хочешь, мы встретимся ещё и сегодня вечером?

– Нет, Коль, не сегодня, – ответила Рита. – Дома меня наверняка потеряли. Прости, но сегодня никак...

– Я люблю тебя, милая моя Маргарита Фрошауэр.

9

Самолёт вновь дёрнуло, выведя Николая из оцепенения от нахлынувших воспоминаний. Не судьба ли это, что летят они в Новосибирск? Ведь именно там была когда-то оставлена его любовь. И эти воспоминания о Рите...

Пассажиры рейса переглядывались, кто-то тихо проговаривал апокалипсические сценарии развития ситуации. Различались слова, такие как: «Упадём», «Разобьёмся» и прочее. А один подвыпивший гражданин стал громко кричать:

– Не надо мне в Новосибирск, заворачивай, давай! Не то я сейчас всех тут «уделаю»! Кому сказано!..

К нему подбежали две стюардессы и хотели его успокоить. Но тот продолжал орать, расталкивая девушек в разные стороны. Происходило это до тех пор, пока из соседнего кресла не соскочил крепкий мужчина. С гневным видом он ударил дебошира по лицу. От удара пьяный упал на пол, а когда встал, то предпочёл тихо сесть на своё место. Стюардессы по очереди пытались стереть с его лица кровь, сочившуюся из разбитой губы.

– Я сам! Отвалите! – уворачивался он. – Говорю же, сам!..

Единственный человек, который даже бровью не повёл, сохраняя невозмутимость и спокойствие, был Ринат. Надев наушники, он слушал свой плеер.

Лайнер пошёл на снижение. Вот уже под крылом мелькнула полоска застывшей могучей сибирской реки Обь, прорезавшей себе русло через внушительный массив тайги. Потом показались дороги, крыши домов. Самолёт коснулся взлётной полосы и начал торможение. Посадка прошла штатно. Объявили температуру за бортом – минус 25 градусов. Специальный автобус перевёз пассажиров в здание аэропорта. Людей поместили в зону ожидания. Никто не знал, что будет

дальше.

– Сейчас выяснят причину аварийной посадки, – пояснил Ринат. – Если всё плохо, придётся ждать, когда дадут подменный борт, потом перегрузят багаж. А это всегда долго.

Действительно, прошло уже два часа, но к пассажирам никто не вышел и не сообщил, сколько продлится ожидание. По понятным причинам люди проявляли недовольство. Кто-то стал стучать в стеклянную дверь, прося объяснений. После этого подошёл работник аэропорта, заверив о скорейшем разрешении ситуации, предложил воспользоваться буфетом. Но ситуация, видимо, так и не разрешилась. Весь вечер и всю ночь люди просидели в неудобных креслах зала ожидания. И только к утру тот же работник сделал ещё одно неожиданное предложение – совершить экскурсию по зимнему Новосибирску. Желающих оказалось много, если не сказать, что поехать решили почти все. Людей рассадили в два автобуса марки «Икарус» и повезли в город.

Дорога из аэропорта Толмачёво до центра Новосибирска, откуда и должна была начаться экскурсия, заняла минут сорок. Об этом предупредили всех «вынужденных» экскурсантов. Этот отрезок пути ехали молча. Кто-то рассматривал пресекаемые магистрали и мосты через Обь, кто-то, как Ринат, просто дремал. Николай опять терзал себя воспоминаниями о последней встрече с Маргаритой, состоявшейся накануне его отъезда в родной город.

Известие о демобилизации Николай получил в первых числах декабря. Были смешанные чувства. С одной стороны, всё прекрасно, он отслужил два года и возвращается домой, где его ждут родители. А с другой – становилось тоскливо от того, что Рита больше не приехала к нему. Ведь непонятно, что будет дальше в их отношениях. Молодого человека мучили вопросы: была ли Рита с ним искренней до конца? Любит ли она? И вообще, что это тогда было? Тот её приезд в начале ноября, может, всего лишь отместка матери за желание отдать дочь замуж за нелюбимого человека?

Вот настал день отъезда. На общем построении личный состав воинской части попрощался с дембелями. Их было семь человек, одетых по-зимнему в парадную форму. В последний раз они торжественно прошли по плацу, стараясь чеканить шаг. Потом взяли свои личные вещи и проследовали к воротам КПП. Там за воротами их ожидал бортовой «КАМАЗ» с брезентовым верхом.

– Всё, сынки, домой едете, – говорила старуха, стоящая недалеко от КПП. – Ну, давайте с Бóгушком, езжайте.

Она возникла перед воротами части словно ниоткуда. В общем, ничем неприметна – худое лицо, одета в серый ватник, валенки, сверху пуховая шаль.

– До свиданья, бабушка, – отвечали солдаты и залезали в машину.

– Где уж до свиданья, тут уж прощевайте.

Николай шёл последним, вслед за Серёгой Алалыкиным,

как обычно, погружённый в свои мысли. Посмотрел на пожилую женщину, и ему показалось, что глаза её сверкнули. Это заставило его остановиться.

– Непростая жизнь ждёт тебя, парень, – вдруг сказала она.
– Да, непростая. Придётся ответить за грех свой.

– Что? Это Вы сейчас со мной говорите? – удивлённо спросил Николай.

– С тобой, с тобой, с кем же ещё, – подтвердила женщина.
– Вот послушай, я тебе так скажу. Долго промаешься ты от одиночества. Будешь отвергнут родной кровью.

– Я не понимаю, что Вы такое говорите...

– Сейчас не понимаешь, потом поймёшь. Запомни, беды твои будут продолжаться до тех пор, пока не войдёшь ты в образ другого человека. Слышишь, запомни это.

– Колька, ты чего там тормозишь? – окликнул его Алалыкин. – Запрыгивай, давай! Тебя одного ждём.

– Иду.

Николай забрался в «КАМАЗ». Старуха смотрела на него. Сидя на лавке вдоль борта, солдат чувствовал её взгляд, и от этого ему было не по себе. Сопровождающий – молодой старлей – убедившись, что все на месте, дал команду водителю, и машина поехала.

– Ты что, знаком с этой бабкой? – спросил Серёга.

– Нет, впервые её вижу. Наверное, она из местных.

Николай как-то сразу сообразил, о каком грехе говорила ему старая женщина, да и стояла она на том самом месте,

где этим летом он обкидал камнями жабу. По дороге «переваривал» в голове фразы, сказанные ему. Звучали они как пророчества. Однако в чём их истинный смысл, так сразу и не поймёшь.

Автомобиль доехал до железнодорожного вокзала уезда «Б». Офицер выдал лично каждому дембелю билет на поезд от Новосибирска до его родного города. Сказал всем напутственные слова, сел в «КАМАЗ» и поехал обратно в часть, оставив солдат ждать электричку в город.

В кассах вокзала Новосибирска, как ранее оговаривалось, билеты были зарегистрированы. До посадки на поезд, следовавшего в центральную часть страны, оставалось почти три часа. Николай, который только и думал о том, как бы «оторваться» от группы и съездить домой к Рите, наконец, получил такую возможность. Оставив свои вещи Алалыкину, он взял такси и доехал до больницы, в которой летом проходил лечение. Оттуда быстрым шагом дошёл до заветного адреса.

У подъезда ему встретились молодые люди. Их было трое – две девушки и долговязый парень в очках. Девушек Николай сразу узнал – это Рита и её подруга Маша.

– Фрбша, смотри, не к тебе ли? – спросила Маша, указав на приближающегося к ним солдата. – Ё-моё! Ни фига себе, гостинец пожаловал!

– Рита, можно тебя? – позвал Николай, подойдя ближе.

– Я сейчас, – сказала девушка своей компании и подошла

к Николаю.

– Рит, привет, – улыбнулся Николай и хотел взять её за руку.

– Коля, не надо, – одёрнула свою руку девушка.

– Почему?

– Не хочу, чтобы они видели.

– Рита, я очень скучал. Ждал тебя и твоих писем.

– Письма вернулись обратно, я неверно указала адрес, после уже не писала.

– Послушай, я не знаю, как быть...

Молодой человек, до этого пассивно наблюдавший происходящее, решительно направился в их сторону.

– Марго, не тот ли это солдафон, которого якобы в лесу спас твой папаша? – спросил он, сделав весьма неприятное выражение лица. – О нём тогда говорила Тамара Петровна?

– Да, это он, – ответила Рита. – Славик, уйди, мы сами разберёмся.

– Разберётесь? – гневно проговорил Слава. – Ты чего сюда «припёрся»? А? Тебя спрашиваю!

Он попытался схватить Николая за ворот шинели, но солдат увернулся и ударил нападавшего кулаком в челюсть. Славик не удержался на ногах и упал в придорожный сугроб. Очки слетели, и молодой человек, предчувствуя продолжение драки, убрал их в карман пальто.

– Прекратите немедленно! – вскричала Маргарита.

Потом, обратившись к Николаю, резко сказала:

– Зачем ты приехал? Я не просила тебя приезжать!

– Рита, я демобилизовался, сегодня поезд...

– Вот и уезжай!

– Я люблю тебя! – продолжал Николай. – Только повидаю

родных и вернусь за тобой. Поэтому и приехал спросить: ты поедешь со мной?

Рита ничего не ответила и только отвернулась. Славик, который так и сидел в сугробе, слышал этот разговор и тоже ждал, что ответит девушка.

– Фр́оша, ну класс! – воскликнула Маша. – Иди сюда, пусть они подерутся!

– Заткнись, Машка! – огрызнулась Рита, и хотела было уйти.

Но Николай окликнул её:

– Рита, я вернусь за тобой. Слышишь? Вернусь!

– Как хочешь, – бросила Маргарита и, оттолкнув свою подругу, скрылась в подъезде.

Немая сцена длилась секунд двадцать. Некоторые жители дома «прилипли» к окнам, наблюдая за происходящим, ждали продолжения «спектакля». Но Николай поставил в этом точку, повернувшись, зашагал из двора. «Поймал» такси и вернулся на вокзал к ожидавшему его Серёге Алалыкину.

Уже в поезде тот спросил:

– Колька, ты чего такой хмурый? Домой ведь едем. Ты не рад, что ли?

– Рад.

– Это ты из-за бабки той, что у КПП нас провожала?

– Может быть.

– Чего она тебе про кровь сказала?

– Сказала, что я буду отвергнут родной кровью, – ответил

Николай.

– Интересно, это как?

– Не знаю.

– Родной кровью. Хм, – размышлял Алалыкин. – Она имела в виду родителей. Точно! Роднее их у тебя же нет никого.

– Ладно, Серёга, ерунда всё это. Старуха явно «с приветом».

– Ну да, понятно, – кивнул Сергей. – Коль, я ещё хотел поинтересоваться про девушку, которая к тебе в часть приезжала.

– В смысле?

– Ну, в смысле, ждёт она тебя?

– Сейчас перед отправкой поезда, я ездил с ней повидаться.

– Так она с Новосиба, что ли?

– Да.

– Вернёшься к ней или она сама приедет?

– Пару дней дома побуду и вернусь за ней.

– А, вон оно как? Понятно, – сказал Сергей. – Девка уж больно симпатная, грех такую потерять.

На следующий день Серёга Алалыкин сошёл на станции

Омск. Поезд продолжал двигаться дальше, приближая Николая к родным местам.

Радости родителей не было предела, когда солдат переступил порог своего дома.

– Коленька! Коленька наш приехал! – после продолжительных объятий кричала мама в телефонную трубку родственникам. – Срочно давайте к нам!

– Мам, может, не надо было никого звать, – говорил Николай. – Так хотел побыть один, хотя бы привыкнуть немного.

– Сына, не возражай, пожалуйста, – настаивала мать. – Ведь мы все тебя так ждали! И бабушка, и тётя Вера. Да все! Как им можно отказать, прийти взглянуть на тебя, какой ты стал. Красавчик мой! Потерпи сегодня-то, а завтра обеспечим тебе полный покой. Договорились?

– Ну, хорошо.

– Сейчас с продуктами тяжело, так мы с отцом заранее готовились, купили всего. Шпроты твои любимые, колбаска есть полукопчёная. Картошку сварим, салаты откроем...

– Ладно, мам, как знаешь.

В течение двух часов прибыли гости. За столом интересовались, как отслужил, чем в армии занимался, какие планы на будущее. Николай на все вопросы отвечал уклончиво, ссылаясь на усталость и желание выспаться.

На следующий день утром проснулся в своей кровати. Рядом на стуле сидела мама и наблюдала его пробуждение.

– Как спалось? – спросила она.

– Нормально, – ответил Николай.

– Коленька, ты какой-то печальный. Скажи мне, что-то не так?

– Нет, всё хорошо.

– Чувствую, что не всё. Может, расскажешь?

– Mam, понимаешь, в Новосибирске я встретил девушку.... Мне надо к ней вернуться.

– Расскажи лучше всё по порядку.

Николай стал рассказывать матери все обстоятельства, опустив лишь подробности интимных отношений.

– Рита, говоришь, – задумчиво произнесла мама. – Хорошее имя.

– Ты бы видела, какая она! – расплылся Николай. – Она такая!..

– Такая, не такая! Коля, сынок, подумай хорошенько. Ну, ты посмотри: всё указывает на то, что не нужен ты ей. А её мать тебя просто ненавидит.

– Тамару Петровну я и спрашивать не буду. Приеду, заберу Риту и вернусь.

Мама покачала головой.

– Судя по последней реакции, девушка давно смирилась с тем, что выходит замуж за своего друга, а тебя она просто использовала. Выбрось всё из головы – что было, то было. Считай это своим опытом. Отдохнёшь немного, а на следующей неделе, восстановись в техникуме и продолжи учиться.

– Мама, не могу я так...

– Коля, я никуда тебя не отпускаю! – встав со стула, твёрдо заявила мать. – Это тебе же во благо. А красивых девушек и у нас хватает, стоит ли за ними гоняться за тысячу вёрст.

Ещё долго Николай лежал в постели и, глядя в потолок, размышлял. Как так? Родная мать не одобрила выбор своего сына. Что она понимает в его чувствах? Рита – его любовь навсегда. Могла ли эта симпатичная девушка использовать Николая? Верить в это он отказывался. Однако зерно сомнений в правильности своего решения начало прорасти в его душе.

Дня через три Николай попробовал поговорить с мамой на эту же тему, однако получил более жёсткий ответ:

– Коля, ты уже взрослый, удержать тебя силой я всё равно не в состоянии. Но если ты уедешь в Новосибирск, можешь не считать меня своей матерью! Имей в виду.

И вот тут Николай вспомнил слова той старухи: «Будешь отвергнут родной кровью». Возможно, это тот самый случай. Если он уедет, мать отвергнет его. Сбудется пророчество. Стоит ли нарываться? Мама сердцем чувствует – Рита его не любит.

11

– Уважаемые дамы и господа, – обратилась экскурсовод к пассажирам. – Наша экскурсия подходит к концу. Автобус вновь движется по центральной транспортной артерии города Новосибирска – проспекту Красный. Мы сделаем оста-

новку на проспекте Димитрова, недалеко от ЦУМа. У Вас будет два часа для того, чтобы спокойно покушать и пройтись по магазинам, купить сувениры своим близким. Через два часа собираемся в автобусе, сделаем перекличку и возвратимся в Толмачёво. Просьба не опаздывать.

Записавшись в списке у гида, экскурсанты выходили из автобуса.

– Коля, не желаете зайти в ЦУМ? – спросил Ринат.

– Прошу прощения, дружище, но не могу, у меня тут дело есть, – ответил Николай. – Хочу съездить в одно место.

– К родственникам?

– Ну, типа того.

– Как знаете. Смотрите не опоздайте.

– Я на такси, постараюсь недолго.

Ещё в аэропорту Николай подумал о том, что раз уж он попал в Новосибирск, то неплохо бы навестить семью Фрошáуэр. Ведь когда ещё представится такая возможность. Ему хотелось «хоть одним глазком» взглянуть на Маргариту. Какая она стала теперь? Как сложилась её судьба после их расставания? Он «поймал» такси и по привычке назвал адрес больницы. От этого лечебного заведения прошёл пешком к дому Риты.

Вошёл в подъезд, поднялся на нужный этаж и позвонил в квартиру. Дверь открыл светленький мальчуган лет десяти. Он вопросительно взглянул своими зелёными глазами на гостя и поинтересовался:

– Вам кого?

У Николая возникло такое чувство, что этого мальчика он знает почти всю жизнь, настолько ему были знакомы черты его лица.

– Простите, пожалуйста, я хотел поговорить с Маргаритой Фроша́уэр, – сказал Николай. – Она ведь тут проживает?

– Игорёк, кто там? – донеслось из кухни.

– Не знаю, баб, подойди сама, – ответил мальчик.

В коридор вышла Тамара Петровна и включила свет.

– Неужто солдатик наш приехал? – всплеснула она руками. – Ты погляди! Сколько лет-то прошло.

– Здравствуйте, Тамара Петровна.

– Игорёк, пойдика, внучек, к себе, – обратилась она к мальчугану. – Нам с дядей поговорить надо.

Игорь послушно ушёл в комнату.

– Ну, и чего ж ты вдруг приехал? – спросила женщина, недоверчиво посмотрев на гостя.

– В Новосибирске я проездом. Вот решил зайти, Риту увидеть, с Вами пообщаться.

– Рита с мужем сегодня уехала в Томск к его родственникам. Вернётся только завтра. Чего на неё смотреть, она счастлива в браке, о тебе и не вспоминает. Со мной общаться не о чем. Если хочешь, поговори с Герой.

– Он дома?

– Дома, пьяный вон спит. Разбудить?

– Если спит, то будить не надо, – ответил Николай. – Жаль

всё-таки, что Риту не застал.

– Что поделывать.

– Скажите, Тамара Петровна, а этот парнишка – сын Риты?

– Игорь-то?

– Да.

– Внук мой.

– Славный мальчуган.

– Да, очень славный, – кивнула Тамара Петровна. – Одиннадцать нынче будет.

– О! Взрослый совсем.

– Ну вот, что я тебе скажу, парень. Езжай-ка ты к себе домой, а дорогу к нам забудь. Так всем только лучше будет.

– Конечно, я уеду. Тамара Петровна, можно только Вас попросить: передайте Рите, что...

– Ничего я ей передавать не буду. Для неё ты не существуешь! Понял?

– Понял, – вздохнул Николай, отвернулся, и отошёл было от двери.

– Послушай, солдат, – неожиданно окликнула его Тамара Петровна.

– Что?

– Мне вот интересно, неужели в тебе сейчас ничего даже не шевельнулось?

– Вы о чём, Тамара Петровна?

– Видно, ты так ничего и не понял.

– В смысле?

– Да так. Ступай, ступай уже.

Николай сбежал вниз по лестнице, постоял немного на крыльце дома. Потом, не торопясь, вышел через двор к проезжей части и вновь на такси вернулся в центр города. К автобусу уже подтягивались экскурсанты. А когда все собрались, устроили перекличку, затем поехали в Толмачёво.

Спустя полтора часа в аэропорту была произведена перерегистрация на рейс до Екатеринбурга, а ещё через час самолёт уже выруливал на взлётную полосу для разгона.

– Ну что, Коля, повидали своих родственников? – спросил Ринат.

– Повидал, – задумчиво ответил Николай. – Только ...

– Только что?

– Того, кто мне нужен, дома не оказалось.

– А, понятно. Так всегда бывает, – с пониманием сказал Ринат. – Вот, например, мой случай. Когда мы со своей «бывшей» развелись, договорились, что я буду к дочке заходить. Помочь там, туда-сюда.

– Ну, ну.

– Прихожу к ним, жены дома нет. А тёща меня «на дух не переносит». Открывает дверь и «шипит змея»: чего, мол, пришёл. Обидно иногда становится, ребёнок-то меня любит. Дочь ведь не виновата, что у нас не сложилось.

– Ринат, а Вы почти в точку попали, – оживился Николай. – Любил я девушку, а её мать была против наших отноше-

ний. Как раз к ним и ездил. Сейчас мне жёстко сказали, чтобы больше я туда не приезжал, потому что девушка уже вышла замуж.

– Замуж вышла, плюнул да забыл. Вас теперь с ней ничего не связывает.

– Ринат, ведь я любил её. Так просто это не забудешь.

– Да, это всегда проблема.

– У неё сын растёт. Пацан такой симпатичный. Сегодня его видел.

– Не от Вас ребёнок-то?

– Нет, откуда.

– Любовь ведь была? Оттуда и дети, – усмехнулся Ринат.

– Да я шучу. Не берите в голову. Какая теперь разница.

– Знаете, Ринат, возможно, я был бы счастлив, если бы узнал, что это мой сын.

– Коля, я так понимаю, Вы не женаты?

– Нет.

– Так женитесь и заведите детей. Чего маетесь?

– Да, так и поступлю, – вздохнул Николай. – Надо только до дома долететь.

– Надеюсь, что уже немного осталось. А то и, правда, наш полёт сильно затянулся.

12

– Коленька, что ж так долго? – встречала его мама. – Мы уж «все телефоны оборвали». Звоним в этот аэропорт, а нам всё одно и то же талдычат: «Рейс задерживается! Рейс задер-

живается!» Все так переволновались.

– Как видишь, всё хорошо, мам.

– К нам Верочка приехала, пару дней у нас погостит. Иди хоть поздоровайся.

Сняв верхнюю одежду, Николай прошёл в гостиную. Там была тётя Вера – мамина младшая сестра. Она сидела на диване и рассматривала фотографии из семейного альбома.

– Слушай, Коля, мы уж не знали, что и думать. Тебя нет и нет, – сказала тётя Вера. – Ну, здравствуй, мой дорогой племяш.

Она обняла Николая и расцеловала его в обе щёки.

– Здравствуйте, тётя Вера. Как поживаете?

– Живём помаленьку. Дети выросли, разъехались. Внучка родилась вот недавно.

– Поздравляю.

– Спасибо. А ты когда своих родителей порадуешь? Всё никак не женишься. Тридцать два уж нынче будет.

– Успею ещё.

– Да, быстро же время летит, – вздохнув, сказала тётя Вера. – Смотрю эти фотографии, казалось, ещё вчера наши детки совсем маленькими были. Вон, какие все смешные на фото.

Мама под села к своей сестре на диван и с улыбкой тоже принялась рассматривать карточки.

– Вот Коленька наш в первый класс пошёл, – комментировала она. – Тут они с отцом на озеро Тавату́й ездили. Впер-

вые он тогда взял его с собой с ночёвкой. Вместо рыбы привезли домой два ведра варёных раков.

– А здесь Коле сколько? – спросила тётя Вера.

– По-моему, лет десять или чуть старше. Это их в пионерском лагере фотографировали, – ответила мама.

Потом, чтобы получить подтверждение своих слов, обратилась к сыну:

– Коля, глянь вот эту фотку. Это ведь в лагере? Да?

Николай подошёл к родственницам и взял карточку. Заметно было, как он побледнел, переводя взгляд с фотографии на женщин.

– Что с тобой, Коленька? – забеспокоилась мать, не понимая его реакцию, – Что-то не так?

– Можно мне забрать её? – проговорил Николай.

– О чём речь? Бери, это же твоё фото.

Сёстры переглянулись.

– Извините, я хочу побыть один, – сказал Николай и ушёл к себе в комнату.

Закрыв дверь, он сел на стул, держа перед собой карточку. С фотографии на него беззаботно смотрел симпатичный мальчуган.

– Игорь, – вымолвил Николай.

Теперь он осознал, что означали те странные фразы, произнесённые Тamarой Петровной, при их сегодняшней встрече: «Неужели в тебе ничего не шевельнулось?» и «Ты так ничего и не понял». Всё встало на свои места. Игорь его сын.

Именно поэтому черты лица мальчика показались ему до боли знакомыми. И только зелёные глаза Игоря свидетельствовали о том, что родился он от Риты. Всё остальное как на детской фотографии Николая. Господи! Как же так? Такая несправедливость! От любимой девушки у него есть сын, в таком случае, почему они с Ритой не вместе?

Ещё каких-то три часа назад в разговоре с Ринатом Николай сказал, что если бы он узнал, что Игорь его сын, то был бы счастлив. Но теперь, когда правда жизни неожиданно открылась, стало так горько. Николай вновь вспоминал ту странную старуху у КПП его воинской части. Истинный смысл пророчества: «Будешь отвергнут родной кровью» проявился для него по-настоящему, жестоко ранив душу, без того страдавшую от одиночества. Родная кровь – это его сын. Но ведь Игорь не отверг его, он даже не знает, что Николай его отец. Поэтому есть возможность всё изменить, не дать сбыться пророчеству.

Николай сунул фотографию во внутренний карман пиджака и уверенно вышел в коридор.

– Коленька, куда ты? – засуетилась мама. – На ночь-то глядя!

– Коля, объясни нам, что происходит? – присоединилась к ней тётя Вера.

– Простите, но я должен ехать, – надевая пальто, с волнением отвечал Николай.

– Куда? – в один голос вскричали обе женщины.

– В Новосибирск.

– Зачем, сына? – взмолилась мама.

– Мама, мне давно надо было уехать.

– О чём ты говоришь, Коленька? Какой Новосибирск?

– Мама, понимаешь, я должен! Лучше поздно, чем никогда...

Так сказал Николай и, открыв входную дверь, вышел из квартиры. Через полтора часа он был в аэропорту Кольцово.

– Девушка, скажите, когда ближайший рейс в Новосибирск? – спросил Николай, обратившись в кассу аэропорта, теребя в руках свой паспорт.

– Борт в Новосибирск вылетел два часа назад, – отвечала кассир. – Следующий будет только завтра в 10.23 по местному времени.

– Завтра?

– Да. Будем бронировать?

– Извините, не могу так сразу, сначала мне надо подумать, – ответил Николай.

Он отошёл от кассы, и устало опустился в ближайшее кресло зала ожидания. Мысли в его голове лихорадочно сменялись одна другой. Конечно, надо бронировать билет. Как раз завтра из Томска приезжает Рита. Николай покажет ей свою детскую фотографию, и она.... А она, скорее всего, ему опять скажет: «Зачем ты приехал?» Нет, лучше фотографию он покажет Игорьку, дескать, смотри: «Я твой папа!». Тоже плохая идея. В данном случае его родной сын не поверит и

уж точно отвергнет его. Пророчество будет исполнено. Кроме того, своим неожиданным приездом он сделает несчастной свою любимую Маргариту и всю её семью, чего так боится Тамара Петровна. Нет, если любишь, так поступать не следует...

– Молодой человек, – обратился к Николаю престарелый мужчина, сидевший в соседнем кресле. – С Вами всё в порядке?

– А? Что? – встрепенулся Николай, осознавая, что вокруг него в зале ожидания находятся люди.

– Мне показалось, что Вы себя плохо чувствуете.

– Простите, я просто не знаю, ... не знаю, как мне поступить.

– Вы опоздали на рейс?

– Наверное, да.

Николай потёр руками виски, потом посмотрел на своего собеседника. Глубоко посаженные глаза, бородка с проседью – весь его облик производил впечатление человека, которому можно доверить любую тайну и получить взамен дельный совет.

– Понимаете, я только сегодня узнал, что у меня есть сын, – сказал Николай. – От меня больше десяти лет это скрывали. Там, оказывается, уже давно другая семья, и ребёнок ничего не знает. Хотел приехать к сыну, всё объяснить. А сейчас сижу и думаю, что своим появлением могу только навредить.

– Как Ваше имя? – спросил мужчина.

– Николай.

– Тёзка, значит. Меня зовут Николай Фёдорович.

– Очень приятно.

– Да, истинно говорят, что жизнь – сложная штука, – вздохнул Николай Фёдорович. – А Вам, Коля, вот что скажу: если всё обстоит так, как Вы мне сказали, то ехать, действительно не стоит. Жизнь потом расставит всё на свои места. И если сын захочет, он сам найдёт Вас, и тогда появится возможность поведать ему правду.

– Но мне хочется узнать о нём больше. Возможно, принять участие в его воспитании.

– Коля, прежде чем менять судьбы других людей, надо всё хорошенько обдумать, – сказал Николай Фёдорович. – В моей жизни был печальный опыт сумасбродных решений. Правда, в отличие от Вашей ситуации, мой опыт с точностью до наоборот. Рассказать?

– Расскажите, – пожал плечами Николай.

– Было мне тогда чуть больше сорока лет. Этот период жизни часто называют «кризис среднего возраста», когда человека всё раздражает, хочется побыть одному и прочее. Так вот, получил я от предприятия путёвку на отдых у озера Байкал. Приехав туда, настолько был впечатлён красотой, величественным спокойствием озера и местной природы, что сразу же захотелось здесь остаться. У меня тогда была семья – жена и трое детей. Младшей дочери только шесть лет ис-

полнилось. И тут неожиданно для всех я бросил всё и уехал, руководствуясь принципом: «Мужик сказал, мужик сделал». Это сейчас понимаешь, что поступил как эгоист. Неправильно поступил. Но в тот момент я не думал об этом. Жена и два старших сына до сих пор не могут простить мой поступок. А вот дочь меня разыскала, написала письмо, сообщив в нём, что ей очень меня не хватает. Она замужем, муж – строитель, дети у них маленькие. Внучка узнала, что у неё есть дедушка, попросила родителей пригласить меня в гости. Эх, Коля, если бы Вы знали, как было непривычно, после стольких лет разлуки, войти в незнакомый для себя образ любящего дедушки. Но ничего, приехал, погостил месяц. А этим летом они уже ко мне приедут. Возможно, в дальнейшем останутся у меня насовсем.

– Как Вы сказали? – переспросил Николай. – Войти в образ?

– Да. А что?

– Нет, ничего, просто я подумал...

В зале ожидания раздалось объявление:

– Внимание! Регистрация на рейс «Екатеринбург-Хабаровск» состоится через тридцать минут у первой стойки.

Николай соскочил с места и воскликнул:

– Хабаровск! Хабаровск! Да, всё сходится! По сути, я уже стал отвергнутым. По-моему, здесь ничего не изменить! Чтобы жить дальше, мне достаточно войти в образ другого человека!

– Не понял, что Вы такое говорите?

– Извините, Николай Фёдорович, я сейчас...

– Куда Вы?

– Сейчас, только узнаю...

Подбежав к кассе, Николай обратился к девушке:

– Скажите, пожалуйста, на рейс «*Екатеринбург-Хабаровск*» ещё можно купить билет?

– Подождите, сейчас посмотрю, – ответила кассир.

– Жду, жду.

– Да, есть одно место в бизнес-классе. Будете приобретать?

– Конечно, буду! – просиял Николай, подавая в окно свой паспорт.

Оформив покупку билета на рейс, он вернулся к своему собеседнику.

– Николай Фёдорович, Вы мне сейчас так помогли!

– Помог? – удивился Николай Фёдорович. – Но чем?

– Да, уверяю Вас, – говорил Николай, потрясая купленным билетом. – Вы помогли расшифровать смысл одной фразы, которая не давала мне покоя последние десять лет.

– Простите, Коля, рад за Вас, но что это за фраза?

– Наконец, до меня дошло, что значит войти в образ другого человека! Уверен, я буду самым лучшим отцом.

– Хм.

– Теперь, понимаете? Ведь это меняет всё! Всё! – уже почти кричал Николай. – Господи, какой же я был глупый!..

Ему казалось, что все люди вокруг улыбаются, мир изменился от того, что внезапно он принял правильное решение. Николай Фёдорович, хоть и мало что понял из объяснений Николая, но по-отечески похлопал его по плечу.

Через час после регистрации была объявлена посадка. Весь полёт улыбка не сходила с лица Николая. Он осознал, что летел в другую часть Земли для того, чтобы сделать счастливой одну маленькую девчушку, войдя в образ, ... в образ её отца, которого она так ждёт.

В аэропорту Хабаровска заглянул в цветочный киоск, купил бордовые розы и на такси доехал до нужного адреса. Испытывая сильное волнение, Николай поднялся на второй этаж и позвонил в дверь квартиры.

– Коля? – удивилась Людмила, открыв дверь. – Вы?..

– Здравствуйте, Люда, – сказал Николай и протянул ей розы. – Это Вам.

– Спасибо, но...

Людмила не успела договорить, потому что по коридору уже бежала маленькая Тоня и громко кричала:

– Папа! Папа приехал!..

Николай протянул к ней руки, и девчушка запрыгнула на него, крепко обняв за шею.

– Папочка, ты ведь больше не уедешь от меня так надолго? – шептала Тоня в ухо Николаю.

– Нет, теперь не уеду, – отвечал Николай.

– Честно-причестно?

– Честно.

Декабрь 2015

История с тараканами

Вспоминаю интервью, которое дал по телевидению бывший президент Калмыкии, рассказавший о своём контакте с инопланетным разумом. Многие потом долго спорили, выдумал он это или так было на самом деле. Ни для кого не секрет, что в мире много непонятных явлений, не поддающихся логическому объяснению. Но когда об этом говорят известные люди...

Моя история не об НЛО, а о другом также не менее загадочном явлении. Прежде, чем начать повествование, сделаю оговорку, что эту историю поведал мне один мой знакомый по имени Максим, ставший впоследствии уважаемым человеком, кандидатом наук. Наши последние встречи были мимолётны, и я не успел расспросить его обо всех интересующих меня деталях. Позднее он вообще уехал из нашего города, но всё равно мне захотелось написать об этом.

1

Это было странное время, а именно, поздняя осень 1992 года. Чуть меньше года, как не стало великого и могучего государства – Советский Союз, а нашему городу Свердловску было возвращено имя Екатеринбург.

Страна вернулась к своему историческому названию – Россия, обеднев при этом территориально. Исходя из телепередач и сообщений в прессе, все узнавали, что государство

находится «на краю пропасти», в нём царит хаос. Однако, прежде всего, хаос поселился в головах наших людей. Ведь никто не знал, что будет дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.